

Пауль БАРЦ

Несостоявшаяся встреча

Комедия в трёх сценах

Перевели с немецкого Александр Сергиевский и Андреа Готцес
Москва-Рим: 1989, 2009

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Георг Фридрих Гендель – музыкант, 62 года
Иоганн Себастьян Бах – музыкант, 62 года
Иоганн Кристофф Шмит – фактотум Генделя
Место и время действия: Лейпциг, 1747 год.

Описанное в комедии свидание двух композиторов опирается на авторское чисто гипотетическое предположение о том, что – при определённом стечении обстоятельств (которые, однако, не стали реальностью на деле) такая встреча могла бы состояться в указанном месте и в указанный момент времени: в ходе визита Генделя в Лейпциг по поводу принятия Баха в члены Общества музыкальных наук, первым и единственным почетным членом которого к тому времени являлся сам Гендель.

В действительности, Гендель приезжал в Лейпциг в 1750 году, хотя их пути могли бы пересечься и ранее, причём не один раз. Остальные события и сведения, отражённые в тексте, невзирая на свободу их интерпретации автором, вполне соответствуют действительности: в том числе, очевидное нежелание Генделя встречаться с Бахом и неоднократные попытки последнего установить личный контакт с коллегой – несравненно более знаменитым композитором в то время.

Характеристика персонажей

Георг Фридрих Гендель: одет так, как изображён на своем последнем прижизненном портрете – на нём парик с крупными белыми локонами по последней парижской моде того времени, богато расшитый дорогой сюртук, на боку шпага, входит, держа в руке перчатки. Свой костюм носит с такой же изысканной непринуждённостью, которая отличает и его манеры. По характеру он – человек темпераментный, что отражается как в речи, так и в движениях. Однако, порой в его словах и действиях отчётливо сквозит странная, даже лихорадочная торопливость. Совершенно очевидно, что перед нами – мировая знаменитость, человек, привыкший к успеху и славе, и к тому же при больших деньгах. Гендель – меценат, покровитель искусств и в то же время – старый комедиант, постоянно меняющий ролевые маски, примеривающий на себя то одну, то другую роль и склонный к трюкачеству.

Иоганн Себастьян Бах: выглядит тоже как на своём последнем прижизненном портрете – парик, как и на Генделе, но отнюдь не модный, шпага. Одет в коричневого цвета сюртук, слегка потёртый, но подчёркнуто аккуратный и застёгнутый на все пуговицы; совершенно очевидно, что это – его выходной костюм, который надевается только по особым случаям.

Его поведение и речь в начале выглядят вполне в духе подобной «застёгнутости» - создаётся впечатление, что в присутствии знаменитого коллеги Баху поначалу не удастся освободиться от скованности, так что говорит он и даже двигается как бы по замкнутому кругу. Тем не менее его самооценка более устойчива, чем та вполне искусственная манера держаться и вести разговор, которую постоянно демонстрирует Гендель. Впрочем, выявляется эта разница лишь постепенно, по ходу действия пьесы.

Иоганн Кристоф Шмит: однокашник Генделя по университету в Халле; более 40 лет состоит при нём в Лондоне в качестве «фактотума» (своего рода слуги и секретаря в одном лице). Почти ровесник композитора, отнюдь не лакей по натуре, человек со своеобразной уверенностью в себе, которая периодически прорывается наружу. Этим самым проявляется его внутренний бунт против

хозяина, которому, вместе с тем, он то и дело подражает в словах и манере поведения.

Одет очень прилично; слегка потёртый сюртук из достаточно дорогой ткани может навести на мысль, что фактотум просто донашивает вещи своего господина.

Место действия

Отдельный кабинет в ресторане лейпцигской гостиницы «Тюрингерхофф». Ясно, что это лучшая гостиница в городе. Дорогая и солидная мебель без барочных излишеств, шёлковые обои на стенах, люстра под потолком; в задней стене – высокие двустворчатые двери, сквозь которые видна лестничная площадка. Рядом – шнурок колокольчика. На той же стене, между двумя горящими свечами в настенных подсвечниках, - огромный портрет саксонского курфюрста. В левой части сцены – резной буфет с широким выбором закусок, перед ним – большое и удобное кресло. Справа – фортепьяно (или клавесин), перед ним табурет.

Ближе к зрителю располагается стол, с расставленными на нём разноцветными фужерами и целой батареей бутылок различной конфигурации с водкой, вином, шампанским. В середине сцены – великолепно сервированный обеденный стол, перед ним два стула с высокими спинками (стулья вычурной формы, но мало удобные для сиденья).

Занавес белого цвета опускается 2 раза: после второй и заключительной, третьей, сцены. В паузах, когда занавес опущен, на него в форме медальонов проецируются последний прижизненный портрет Генделя и портрет Баха кисти Ф. Е. Хаусмана с факсимильными подписями композиторов и датами их жизни: 1685-1750 (Бах) и 1685-1769 (Гендель). Над портретами чёрной краской выведена надпись (цитата из «Майстерзингера»): «Не презирайте мастеров...».

СЦЕНА 1

(Громко: начальные аккорды «Аллилуя» из «Мессии» Генделя).

Занавес поднимается. Сцена затемнена. Луч света падает на Шмита. Он подходит к рампе. (Громко: вариации Баха).

ШМИТ. Я не пророк, но тем не менее рискну высказать одно пророчество: сегодня мы станем свидетелями звёздного часа. Только подумайте: два самых великих музыканта нашего времени наконец-то познакомятся друг с другом. Впервые увидят друг друга, здесь, в Лейпциге, в отеле «Тюрингерхофф».

(Осматривается, кивает в знак одобрения сделанным приготовлениям. Медленно освещается сцена. Шмит продолжает монолог, по ходу которого открываются двери. Слегка побряхтывая, входит Гендель, на ходу снимая парик, затем перчатки, которые запикивает в карман).

Итак, они встретятся здесь впервые. Из Лондона...

(В этот момент Гендель отпускает створки двери, они с шумом захлопываются. Шмит вздрагивает, оборачивается).

(с облегчением) ...из Лондона поспешил сюда в карете, запряжённой шестёркой лошадей, господин Георг Фридрих Гендель (указывает на Генделя, который успел подойти к столу и собирается отхлебнуть из одной из бутылок, вздрагивает при упоминании своего имени), Орфей нашего времени, самый высокооплачиваемый музыкант в мире, (Гендель коротко кивает в знак одобрения и вновь прикладывается к бутылке – пьёт короткими булькающими глотками) а также живущий тут, в Лейпциге, господин...господин...

ГЕНДЕЛЬ (отрываясь от бутылки). Бак.

Ш. (с раздражением). Кто? Как Вы сказали?

Г. Этого человека зовут Бак. Пах или как-то вроде того. Во всяком случае, Иоганн Себастьян (снова прикладывается к бутылке).

Ш. Господин Иоганн Себастьян Бах, которого только что приняли в члены Общества музыкальных наук, по поводу чего имело место небольшое торжество (всплескивает руками). Я пророчествую: грядёт звёздный час!

(Гендель отрывается от бутылки и громко рыгает. Шмит слегка вздрагивает и продолжает, обернувшись к Генделю).

Маленькое торжество завершилось, господин Гендель?

Г. Не совсем. Старикашка ещё брэнчит на фортепьяно.

Ш. А не хватятся они Вас там, в зале?

Г. (ставит бутылку на место) Вряд ли. Моё место – в последнем ряду.

Ш. (с возмущением) В последнем ряду?! Вы?!

Г. (ставит бутылку на место) Крайне левое место.

Ш. Но Вы же – почётный член этого общества!

Г. (со смехом) Моё имя. Не я .

Ш. Но это просто скандал!

Г. (неторопливо обходит стол) Как всегда, я немного опаздал и ожидал, что меня, как обычно, встретят аплодисментами, ничего подобного не произошло. Я стоял в дверях, но никто не обратил на меня внимания. Взоры всех были обращены вперёд, туда, где стоял этот господин Ах, или Бах, в парике набекрень, дрожа от волнения, от переполнявших его впечатлений... А какой-то дурак нёс что-то несусветное о музыке, сравнивая её с наукой (издаёт короткий и грозный смешок). Болван! Музыка – не наука. Музыка – это дело.

Ш. (прислушиваясь к звукам музыки, доносящимся из-за закрытой двери) Нет, вы только послушайте!

Г. Кардиналы, и те встают при моём появлении. И английские короли встают с места, когда я вхожу. Но здесь меня заметил один официант, только один официант.

Ш. (направляется к двери) Нет, вы послушайте!

Г. И молча указал мне моё место в последнем ряду. Там я и сидел, почётный член этого странного общества. Никто не узнал меня на моей собственной родине. Никто меня здесь не знает.

Ш. (приложив ухо к двери) Прекрасно!

Г. (недовольно) Что именно?

Ш. Прекрасная музыка.

Г. Да, приятная музыка.

Ш. Гениально!

Г. Талантливо.

Ш. Она просто восхитительна, эта его музыка!

Г. (садится) Мне надо было сразу уйти, но я не захотел показаться невежливым и остался сидеть на указанном мне месте, пока не стало совсем уж невмоготу. Тогда я встал и двинулся к выходу. Не скажу, что я проделал это бесшумно, официант при выходе даже шикнул на меня, но всё-таки открыл дверь. На пороге я на секунду остановился и обернулся к сцене. В глазах у меня сквозила печаль. В этот момент музыка как раз затихла и раздались приглушённые аплодисменты, но никто не обернулся в мою сторону, взоры всех по-прежнему были направлены туда, где старик вновь уселся за фортепиано – неуклюже, по-провинциальному. И я покинул зал (издаёт короткий смешёк). Случись такое в Лондоне, принц Уэльский и тот бы бросился мне вдогонку, в Риме пара-тройка кардиналов, как пить дать, вцепились бы в меня как кошки, а тут?... Тут меня отпускают без аплодисментов и не обращают никакого внимания.

(За сценой раздаются голоса, слышны приближающиеся шаги. Очевидно, что собравшиеся в соседнем зале начали расходиться).

Ш. (с волнением) Кажется, они закончили.

Г. (встаёт) А что, если уехать отсюда. Взять да уехать.

Ш. Сейчас он войдёт.

Г. Попусту потраченное время. И это – родина. Я уезжаю.

Ш. (возмущённо) Вы сами пригласили коллегу на ужин.

Г. (тихо, в сторону) Он играет как Бог.

Ш. Не правда ли?

Г. Ладно, чтобы не пустили слух, что я пытался уморить коллегу голодом, ...ведь он и впрямь похож на человека, которому не мешает лишний кусок. (Смеётся) Видел бы ты его сюртук!

Ш. Вам следует первому поприветствовать его.

Г. (подходит к буфету) Полагаю, он уже много дней, как преисполнен радостного ожидания нашей встречи, рассчитывая заодно как следует закусить. Как добропорядочный христианин, я обязан был пригласить его. Ты согласен?

Ш. А может, мне поприветствовать его?

Г. Господи, попав на родину, - как знать, может в последний раз, - я, что, не могу пригласить коллегу на ужин? Просто так, без лишних формальностей? (отщипывает виноградину).

Ш. Пойду приведу его (выходит).

Г. (ест виноград, движения становятся лихорадочными) Нет, конечно, ничего особенного от этой встречи я не ожидаю. Но, Бог мой, с кем только ни приходится сталкиваться в этой жизни. Однако, не стоит вести себя высокомерно, даже если перед тобой всего лишь безвестный музыкант и к тому же соотечественник. Высокомерие мне чуждо в принципе.

Ш. (входит) По мне, так все равны: что князь, что безвестный музыкант, что этот старый господин...(понижив голос, задумчиво). Но по правде говоря, он меня заинтриговал. (Дверь начинает отворяться, Шмит распахивает обе створки. Продолжает торжественно). Ваш коллега, маэстро!

(Входит Бах. Движения его медлительны и скованы. Останавливается на пороге).

Г. (оборачивается) Мой дорогой Бах! (Бах неловко кланяется). Очень рад. Входите.

БАХ. Вы слишком добры ко мне.

Г. Будьте нашим гостем.

Б. (всё ещё чувствуя себя скованно) Вы слишком добры.

Г. Добро пожаловать.

Б. Вы слишком добры.

Г. (со смехом) И Вы, будьте так добры, закройте, пожалуйста, дверь. Ужасно дует.

(Бах поспешно закрывает дверь, после чего проходит на середину сцены).

Г. (очень живо) Прежде всего, хочу Вас поздравить. Вам оказана огромная честь. Вы стали членом Общества наук, как бы они там ни назывались.

Б. (в смущении) Разве вам не известно, что это за Общество?

Г. (со смехом) Откуда мне знать?

Б. Но ведь Вы его почётный член.

Г. Дорогой мой Бах, я являюсь также почётным доктором Оксфордского университета, но понятия не имею, что они, собственно, там изучают, в этом Оксфорде. Ну же, устраивайтесь поудобней. Приступаем к еде.

Б. (запинаясь) К еде?

Г. Я пригласил Вас на ужин, коллега.

Б. (с поклоном, запинаясь) Вы слишком добры ко мне.

Г. (шутливо) Всего лишь скромная закуска. Совсем чуть-чуть. Паштет, жареный фазан, омары, бараньи отбивные. Есть и главное блюдо, но это – секрет. Я хочу, чтобы оно стало для Вас сюрпризом.

Б. Я полагал, мы займёмся музицированием...

Г. (громко смеётся) Но не на пустой желудок.

Б. Мне бы очень хотелось Вам что-нибудь сыграть.

Г. Сейчас, мой дорогой, сейчас сыграете. Но сначала, давайте доставим себе удовольствие (передает ему бутылку вина). Глоток вина?

Б. (вежливо отстраняется) Лучше всё же потом.

Г. Или сейчас, или никогда! Ибо потом об этом позаботятся другие (указывая на Шмита). Вы ещё не знакомы с моим добрым Шмитом? (подходит к столу с напитками).

Б. (с поклоном, но по-прежнему сковано) Очень приятно.

Г. (наливает водку в две рюмки) Мой лучший, мой единственный и незаменимый друг. Он ведает всеми моими делами, не даёт слугам обкрадывать меня и копировать мои ноты. И ещё, я подозреваю, что втайне он сам сочиняет музыку.

Ш. (смущённо) Господин Гендель...

Г. (шутливо грозя ему пальцем) В своей музыке я порой обнаруживаю места, которые звучат, будто их писал кто-то другой.

Ш. Подобных мест в Вашей музыке немало. Вот, например, ...(замолкает на полуслове, сглотнув продолжение, и тут же громко смеётся).

Г. Мой Шмит. Он — лучший на свете товарищ. Чего только мы с ним ни пережили! Я — с ним, а он — со мной.

Ш. (с коротким вздохом) Целых тридцать лет.

Г. (передавая Баху рюмку). Ну, наконец-то: за ваше здоровье! (Пьют. Бах поперхивается, кашляет. С пафосом) Незабываемая минута! Встреча с Мастером, которому нет равных здесь, на родине.

Б. (закашлявшись) Я давно...

Г. (хлопая его по спине) Ну, ну.

Б. (глубоко вздохнув) Я давно хотел...

Г. Вздохните поглубже.

Б. (продолжая кашлять) Я давно хотел с Вами побеседовать.

Г. (с прохладцей) Ну, и...

Б. (старательно подбирая слова) Впервые где-то в 1716 году, потом, если не ошибаюсь, в 1730-ом, и ещё, кажется, м-м-м...

Г. (нетерпеливо) Ну, вот, наконец, это Вам удалось.

Б. (поклонившись) Я в восхищении!

Г. ничего удивительного.

Б. (ещё ниже склонившись в поклоне) Король музыки!

Г. (положив руку ему на плечо, торжественным тоном) Горе владыке, живущему на чужбине, если не ведает он, что на родине у него имеется достойный наместник.

Б. (растроганно) Маэстро...

Г. (отвернувшись) А теперь — к насущному. К закускам. (подходит к буфету, накладывает себе в тарелку, бормоча под нос) Белые под маринадом, спаржа тушёная, свежите сморчки, ...

Ш. (обращаясь к Баху) Могу ли и я, со своей стороны, высказать Вам нижайшее почтение и восхищение по случаю состоявшихся торжеств?

Б. (всё ещё слегка стесняясь) Спасибо, спасибо.

Ш. (покосившись на Генделя) Наконец-то эта честь оказана достойному, истинно достойному.

Г. (кричит) Устрицы!

Ш. (вздрагнув) Как Вы сказали?

Г. Я велел принести устрицы.

Ш. (с дрожью в голосе) Разве их не принесли?

Г. (ставит тарелку на стол Я, что, ослеп, по-Вашему?

Ш. (запинаясь) Маэстро, ...

Г. (наступает на него, угрожающе) Я, что, ослеп, хотелось бы мне знать?

Ш. (боязливо отступает) Но, Маэстро, ...

Г. (хватает его за шиворот, переходит на крик) Я, что, ослеп?!

Б. (в испуге) Господа...

Г. (отпускает Шмита. Ему неловко перед Бахом) Извините. Жить не могу без устриц. (снова кричит, обращаясь к Шмиту) Устрицы!!

Ш. (поправляя воротник сюртука) Разумеется. Раз маэстро затребовал устриц, он их получит (идет к двери).

(Гендель, взяв тарелку, направляется к креслу).

Ш. (в дверях) Он получает все, что только ни захочет). (выходит, громко хлопнув дверью. Гендель, собравшийся было сесть в кресло, вздрагивает и остается стоять).

Г. (бормочет себе под нос) Почему от этого человека всегда так много шума? Почему он так громко хлопнул дверью? У кого он этому только научился? (громко, обращаясь к Баху и указывая на кресло) Ну, садитесь же, наконец, мой дорогой.

(Бах направляется к креслу, Гендель усаживается на подлокотник. Бах резко останавливается и садится на стул).

Г. (со вздохом) Старее, Шмит, как и все мы. Суетились, разъезжали по миру, чтобы в конце концов превратиться в стариков (трет глаза).

Б. (испуганно) Что с Вами?

Г. (оправившись) А что со мной может случиться?

Б. Ваши глаза...

Г. И что с моими глазами?

Б. (запинаясь) Ничего.

Г. Ничего, точно сказано. Абсолютно ничего. На родине устаешь больше, чем у себя в театре, там, в Лондоне.

А теперь Вы должны мне рассказать о нашей общей родине. Хочу узнать о ней все. Что здесь говорят о моих «Маккавях»?

Б. О чем?

Г. (смеясь) Ведь знают же здесь мою опера «Маккавей»?

Б. Боюсь, что практически нет.

Г. А «Геракле», «Самсона», а...?

Б. Тоже не очень-то.

Г. (тихо) А «Мессию»?

Б. Не могу сказать наверняка.

Г. (приглушенным голосом) Даже «Мессию».

Б. (поспешно) Лично я — в полном восторге от Вашей «Альмиры».

Г. (со смехом) Написанной лет сорок назад, господин Пах.

Б. (поправляет его) Бах.

Г. А?

Б. Моя фамилия Бах, господин Гандель.

Г. Гендель, господин Бах, пишется через «е»: Гендель.

Б. Но ведь на Вашем приглашении написано...

Г. (встает с кресла, снимает сюртук) Вива, англичане! Пишут «Гандель», а произносят «Гендель». Впрочем, теперь и я так пишу, оставаясь при этом Георгом Фридрихом Генделем, саксонцем из Халле (вешает сюртук на спинку кресла). Снимайте же, наконец, свой сюртук.

Б. (несколько неуверенно) Лучше не буду.

Г. Он у Вас — единственный?

Б. Это — мой выходной.

Г. (поспешно) Ваш рюмка по-прежнему пуста, милейший Пах.

Б. (со вздохом) Иоганн Себастьян Бах.

Г. Как бы там ни было, но Ваш бокал пуст. Прошу Вас: вот мозельское — отменного вкуса.

Б. (подходит к столу с напитками) Наша фамилия когда-то, действительно, звучала как «Пах». Но это по-богемски. У меня, можно сказать, богемские корни (осторожно наливает вино себе в бокал).

Г. (жует, не прислушиваясь к его словам) Саксонец.

Б. (возвращаясь к столу) Конечно, теперь мы саксонцы.

Г. (задумчиво) Саксонец. Так меня называли в Италии: Il sassone. Il caro sassone. Милый саксонец. Так они всегда приветствовали меня: Viva? Il caro sassone! Да здравствует, милый саксонец! (негромко и скорее с налетом печали, чем хвастливо) Что за день это был! День премьеры моей «Агриппины» в Венеции. В театре — столпотворение. Что ни ария — аплодисменты и крики «Viva il caro sassone». «Да здравствует милый саксонец!» Шквал аплодисментов. Вот то единственное, что рассеивает тьму бытия (поспешно и громко). Вы тоже любите Италию?

Б. Я никогда там не был.

Г. (удивленно) Никогда не были в Италии?

Б. (смущенно) Слишком далеко и слишком дорого.

Г. (подходит к столу с напитками) Италия не может быть слишком далеко. По крайней мере, от того, кто сочиняет оперы.

Б. Я не пишу опер.

Г. (собрался, было, отхлебнуть из бутылки, но ставит её обратно на стол) Как Вы сказали?

Б. Я не написал ни одной оперы.

Г. (острит, но явно неудачно) Именно поэтому я и не знаю ни одной (пьют). Впрочем, и сам я давно уже не пишу опер. Это невыгодно. Предпочитаю оратории. Сочинять их не составляет большого труда, а публика от них в восторге.

Ваши ей тоже нравятся?

Б. Я не пишу никаких ораторий.

Г. (запинаясь) Н-никаких?

Б. (доброжелательно) Нет.

Г. А на что Вы живёте?

Б. (с достоинством) Служу кантором у «Фомы».

Г. Кантором у «Фомы»?

Б. Я кантор в церкви святого Фомы.

Г. (бормочет себе под нос) Маленький кантор.

Б. (с достоинством) Музыкальный директор города Лейпцига.

Г. Такая должность, наверное, тоже имеет право на существование.

Б. Кроме того, курфюрст (делает поклон в сторону портрета саксонского курфюрста)...курфюрст назначил меня придворным композитором.

Г. А платит-то он хоть прилично?

Б. (удивлён) Ничего не платит.

Г. (со смехом) За это Вы и сочиняете?

Б. (запинаясь) Я сочиняю за честь...

Г. И я сочиняю за неё. Но — по самым высоким расценкам (садится). Поешьте, в конце концов. Рекомендую артишоки.

Б. (испуганно) Они стоят целое состояние...

Г. Мое состояние. Не беспокойтесь, у меня их несколько.

(Бах подходит к буфету, кладёт на тарелку один артишок).

Г. (тихо) Маленький кантор. Вот на что ты способен, и только. (громко) Всё детство отец твердил мне: станешь лекарем, будет у тебя и дом-полная чаша, и карманы набиты. И звал меня маленьким кантором. (смеётся) И выбивал из меня музыку всеми средствами. Меня били за то, что я играл на фортепьяно.

Б. А меня били, если я не играл.

Г. (угрюмо) Это называется счастливым детством.

Б. (возвращаясь к столу) Так всегда бывает в семьях музыкантов.

Г. (тихо) Значит, там так бывает.

Б. Музыка, и ничего, кроме музыки. Ты — музыкант, и этим всё сказано.

Г. Просто музыкант. Просто и ясно.

Б. Но иногда это бывало в тягость. К примеру, зимой, когда надо было выйти на мороз и, как принято, петь рождественские песенки под окнами соседей.

Г. А я в это время сидел в комнате, прижавшись носом к оконному стеклу, и смотрел, как мимо шли дети, шли и пели...Мне так хотелось оказаться с ними, там, где звучала музыка и песни. Но позади стоял отец с палкой, чтобы, чуть

что, выбить из меня музыкальную дурь. И так — каждый день, пока я не сбежал. Да, сбежал. Убежал с родины: в Гамбург, в Италию, а потом и в Лондон.

Б. (жуя артишок) Видимо, Вы поступили правильно.

Г. (вздвогнув) Правильно?

Б. Тут нелегко найти работу.

Г. (мрачно) Всем, за исключением человека, которого зовут Пах.

Б. (эмоционально) Бах, господин Гендель, Бах.

Г. (раздражённо) Или Бах. Какая разница.

Б. Хотя когда-то наша фамилия, действительно, писалась как Пах.

Г. (в ярости) Меня не интересуют Ваши предки.

Б. (в испуге) Господин Гендель, ...

Г. (спохватившись) Какая разница: зовут ли человека Пах или Бах или Гендель.

Мне совершенно всё равно. Единственно, что имеет значение, так это — на что способен тот или иной человек. Не правда ли?

Б. (сконфужено) Конечно, без всякого сомнения.

Г. Возьмите соус.

Б. Что?

Г. Артишоки поливают соусом. Иначе они потеряют вкус.

(Бах послушно возвращается к буфету. Гендель тем временем пододвигает к себе стул Баха и кладёт на него ногу. Складывает руки на затылке).

Г. Что за жизнь - служить кантором на родине?

Б. (наливая соус себе в тарелку) Вам это на самом деле интересно?

Г. (беззастенчиво зевая) Ужасно.

Б. (идёт к своему стулу, но увидев, что он занят, останавливается на полдороги, явно в недоумении) Я руковожу хором и должен сочинять кантаты. К Пасхе, бывает, заказывают даже Страсти.

Г. (тихо) «Страсти по Матфею».

Б. (радостно) Как? Вы с ними знакомы?

Г. Не в меньшей мере, чем Вы — с моим «Мессией»? (поднимает бутылку) За родину, господин Бах!

Б. (поспешно хватая стакан) За Вас!

Г. За Ваше членство в обществе музыкальных наук! (пьют). Вам устроили прекрасное торжество. Речи и всё прочее, что полагается. Хорошая музыка.

Б. Она Вам понравилась?

Г. Неплохо.

Б. Небольшой канон, всего навсего, но меня воодушевлял сам принцип.

Г. Принципы — вещь забавная.

Б. Могу пояснить. Хотите, сыграю: прямо сейчас?

Г. (в испуге снимает ногу со стула) Не надо, не беспокойтесь.

Б. Это не займёт много времени. Мне просто хочется услышать Ваше мнение.

Г. (со вздохом) Любое — на выбор.

Б. (часто моргая) Кажется, тут где-то был клавишин?

Г. (с неожиданным участием) У Вас сильная близорукость?

Б. (трёт глаза) С годами всё хуже.

Г. (тихо) Всё хуже.

Б. Наверное, в конце концов, я ослепну.

Г. Ослепнете?

Б. Многие из моих предков ослепли.

Г. (запинаясь) И-и...как это происходит? То есть, я хочу спросить, как это начинается.

Б. Чёрные пятна перед глазами, головокружение.

Г. Головокружение?

Б. (садится и принимается за еду) Довольно противно.

Г. очень даже.

Б. (с набитым ртом) Вам тоже такое знакомо?

Г. С той самой поры, как со мной случился удар.

Б. (макая артишок в соус) У Вас был удар?

Г. (встаёт, выходит на авансцену) Совсем лёгкий. Я давно оправился. Но какое мерзкое ощущение — лежишь без движения, беспомощный и одинокий. А в театре тем временем царит полный хаос, враги и недруги острят ножи, самый преданный друг исчезает, прихватив кассу. Жуткое, отвратительное ощущение! Вам ведь тоже такое знакомо?

Б. Откровенно говоря, нет.

Г. Я имею в виду состояние человека, прикованного к постели?

Б. Нет, вряд ли.

Г. Вы что же, никогда не болели?

Б. (продолжает жевать) Никогда.

Г. (с коротким смешком) Вам никогда не приходилось руководить театром.

(понижив голос) Темнота вокруг, и оттуда надвигаются призраки...

Б. (отрываясь от тарелки, с удивлением)) Какие призраки?

Г. Да какие угодно: в сбившимся парике и потёртом сюртуке, к примеру. (Бах в испуге ощупывает свой парик) Двигаешься навстречу опасности, сражаешься с ними, побеждаешь, изничтожаешь их одного за другим...(опоминается; спохватившись) Прошу прощения.

Б. (тихо) Поэтому Вы и приехали в Лейпциг?

Г. (вздрагивает) Как Вы сказали?

Б. Из-за призраков?

Г. (торопливо) Нет, конечно, нет. За призраками не угонишься. Они сами являются из темноты. (громко) Давайте сюда Вашу тарелку. Теперь я угощу Вас по собственному выбору.

Б. (с поклоном) Вы так любезны.

Г. (берёт тарелку у Баха, подходит к буфету) Исключительно из соображений самозащиты, мой дорогой: умираю с голоду, глядя, как Вы аппетитно едите.

Б. А всё-таки почему Вы отправились в Лейпциг?

Г. (бормочет себе под нос) Свежие сморчки, ...(громче, но по-прежнему рассянно) Из-за Вас.

Б. Из-за меня?

Г. (вздрагивает) Как?

Б. Вы сказали «из-за меня»?

Г. (торопливо) Конечно, конечно. (бормочет под нос) Шампиньоны...(громко) Как бросить старого коллегу одного в такой великий для него час?!

Б. (обиженно) Не такой уж я и старый.

Г. И кроме того, я приехал по делам. Я часто путешествую по делам. (бормочет под нос) Маринованная спаржа. (громко) Беспokoюсь о театре - многие уже состарились...(бормочет под нос) Ветчина, и неплохая...(громко) Нужна новая поросль, причём срочно. (бормочет под нос) Так-так, и ещё чуть-чуть майонеза. (громко) Публика требует — ей подавай свежеего мяса. (ставит тарелку перед Бахом). Вот теперь ешьте на здоровье

Б. (несколько раз торопливо кланяется) Спасибо, спасибо. Премного благодарен.

Г. (доверительно, склонившись над ним) Здесь, в Лейпциге, вряд ли найдётся что-либо стоящее? Я хочу сказать: в местной опере? Там ведь нет талантов, которые стоило бы переманить к нам?

Б. В Лейпциге нет оперного театра.

Г. Нет оперного театра?!

Б. Был, но его закрыли.

Г. (с коротким смешком) Дорогой мой, в Лондоне ежедневно закрывают один из оперных театр, и в тот же день открывают новый. Такой уж это город — Лондон.

Б. (с почтением) Наверное, очень красивый город?

Г. Очень некрасивый, но большой. И жестокий. Город-зверь. Ежедневно требующий подкормки. (смеётся) «Мессия» пришёлся ему не по вкусу: ведь он взывает к набожности, а когда исполнялась «Аллилуя», приходилось вставать, демонстрируя приличествующее моменту благочестие. Нет, это всё не для Лондона.

Б. (запихивая в рот кусок ветчины) Жаль.

Г. (в задумчивости) А мне, собственно, было всё равно, полюбился ли им мой «Мессия» или нет. Странно, но я не переживал. В какой-то момент мне вдруг показалось, что я очутился в Галле, в местном соборе, и собравшиеся там люди встали меня поприветствовать.

(Открываются двери. Входит Шмит с огромным подносом устриц).

Ш. Устрицы!

Г. (вздрагивает, возвращаясь к действительности) Наконец-то! (щёлкает пальцами) Подайте сабли, Шмит.

(Бах и Гендель садятся за стол. Бах в растерянности сидит перед горой устриц, осознавая свою беспомощность, тогда как Гендель с жадностью набрасывается на них. Шмит подходит к столу с бутылками, ищет «Сабли»).

Гендель. (высасывая устриц) Лондонские торговцы устрицами знают мои запросы: две дюжины — к завтраку, три — к обеду и вечером...(поднимает глаза от тарелки) Чего Вы опять ждёте?

Б (в смущении) Боюсь показаться неловким...

Г. (с громким смехом) Вы, что, не знаете, как едят устриц?

Б. Не очень.

Г. Это умение должно быть в крови, мой милый.

Ш. (приносит вино) очень просто, господин Бах. (вскрывает одну раковину) Просто открываете раковину и высасываете устрицу. Вот так (показывает).

Б. (повторяет его действия, говорит сдавленным голосом) Вот так?

Г. (нетерпеливо) Хватит, Шмит.

Ш. (подхихкивая) Господин Гендель тоже вначале не знал, как это делается.

Г. (строго) Я сказал: хватит.

Ш. Так что мне приходилось кормить его.

Г. Убирайся.

Ш. Не у всякого же это сразу в крови.

Г. (очень громко) Убирайся!

Ш. (обиженно) Но, господин Гендель, ...

Г. Исчезни.

(Шмит, понуриив голову, идёт к двери, начинает медленно закрывать её за собой).

Г. Вы ещё...(дверь с грохотом захлопывается. Гендель вздрагивает). Вам ещё не доводилось есть устриц?

Б. Только раз. В Гамбурге.

Г. Да, устрицы там довольно приличные.

Б. (теперь и он с аппетитом высасывает устриц из раковин) Ощущение такое, как будто во рту — ароматы всего океана.

Г. В Лондоне они ещё вкуснее. Не сравнить ни с чем, как и сам город, впрочем.

БАХ (продолжая в том же духе). Очень хочется съездить туда на гастроли.

ГЕНДЕЛЬ (удивлённо). Вам?

БАХ. Устрицы и впрямь — объеденье. На родине такого удовольствия не получишь.

ГЕНДЕЛЬ. Так Вы, действительно, хотите приехать в Лондон?

БАХ. Дать несколько концертов.

ГЕНДЕЛЬ (выжимая лимон на устрицы в своей тарелке). Лимон.

БАХ (сконфуженно). Простите?

ГЕНДЕЛЬ. Выжмите лимон на свой океан.

БАХ. Всего несколько концертов. В Вашем театре ведь бывают дни, когда сцена не занята?

ГЕНДЕЛЬ (мрачно). После каждого провала.

БАХ (с воодушевлением). Мне не нужен большой гонорар. Хотя бы раз выступить в Лондоне! Впрочем, деньги не повредили бы.

ГЕНДЕЛЬ (торопливо). Не рекомендую, господин Бах. Очень не рекомендую.

БАХ (разочарованно). Вы мне не рекомендуете?

БАХ (как ни в чём ни бывало) Но ведь Вы добились там успеха.

Г. Потому что я умею справляться с этим городом, с его жестокостью. Я-то справляюсь с его духом (смеётся). Знаете, как меня называют в Лондоне? «Очаровательное чудовище».

Б. ??

Г. (со смехом). Очаровательное чудовище.

Б. Чудовище?

Г. Им-то и надо быть в Лондоне, господин кантор у Фомы. (Поднимает стакан, пьёт). Ваше здоровье! (со смехом) Недавно меня изобразили за огромным органом. Намек на якобы излишнюю громкость моей музыки. У ног - груда бутылок, а сам я представлен с головой свиньи.

Б. (с возмущением). С головой свиньи?

Г. (со смехом). Как у настоящей свиньи.

Б. Что за мерзость!

Г. Забавно. Просто забавно.

Б. (заикаясь). У вас великолепное чувство юмора, господин Гендель.

Г. В Лондоне иначе не проживешь: этот зверь заглотывает с потрохами.

(Встает). Подождите, кажется, листок у меня с собой. Вы будете смеяться до слёз.

Б.(скованно). Вряд ли.

Г. (Роется в карманах сюртука, вытаскивает листок и протягивает его Баху).

Вот: «Рисовал Джон Гудли». Способный человек. Лондон хохотал до упаду.

(Откинувшись на спинку стула). Но никто не смеялся громче меня.. Таково единственное средство: смеяться над собой громче всех, чтобы заглушить их - так, как моя музыка заглушает всех этих жалких певцов. Смеяться. Громко смеяться.

(Бах начинает хихикать, потом смеется все громче).

Г. (раздражённо). Чему вы так смеётесь?

Б. (со смехом). И правда смешно.

Г. (с досадой). Я и говорю.

Б. (пристально смотрит на Генделя). И даже похоже.

Г. На голову свиньи?

Б. (давясь от смеха). Забавно. Очень забавно.

Г. (вырывая листок из рук Баха). Позабавились, господин Бах?.(Комкает листок и броосает его в угол. В крайнем раздражении). Пачкун. И мой враг - по политическим мотивам.

БАХ (выжимая лимон на устрицу). Устрицы начинают мне нравиться.

ГЕНДЕЛЬ (отодвигая тарелку). С меня хватит.

БАХ(удивленно). Уже?

ГЕНДЕЛЬ (встает из-за стола, мрачнеет). Таков Лондон: джунгли, да и только.

Сплошная борьба, где в ход идет любое средство: от злых обид до подлых подозрений. О чём только ни шипели за моей спиной – я, видите ли и обжора, и анахорет, без жены и без детей... (обращаясь к Баху) Но разве художник в состоянии найти время для брака?

БАХ (поднимая глаза, с возмущением). Лично я - женат.

ГЕНДЕЛЬ И у вас есть дети?

БАХ. Да. Двадцать.

ГЕНДЕЛЬ (в ужасе). Двадцать???

БАХ (со вздохом). Но многие из них умерли.

ГЕНДЕЛЬ (опускаясь на стул, мрачнеет). Такова цена славы.

БАХ (с возмущением) Как вы сказали?

ГЕНДЕЛЬ. Все эти нападки, обвинения... Обезвредить их можно лишь постоянными успехами – построив из них крепость, цитадель (подчёркнуто громко, с пафосом). Живу в цитадели своей славы, господин Бах.

БАХ (доброжелательно). Вот и прекрасно.

ГЕНДЕЛЬ (тоном, в котором явно проскакивают фальшивые нотки). Совсем не прекрасно, напротив – отвратительно. Ведь это означает одиночество, бесконечное, как вселенная. Главное, - уважаемый кантор у Фомы, - храните верность родине. Там нет нужды превращаться в чудовище. Можно просто жить и быть счастливым, имея жену и двадцать детей. Не надо все время бороться, все время быть начеку, чтобы тебя не потеснили, - чем я вынужден был заниматься всю мою жизнь. Даже тогда, еще в Гамбурге, при Матиссоне.

БАХ (прислушиваясь). Матиссон?

ГЕНДЕЛЬ. Это друг моей юности.

БАХ Тот самый известный критик?

ГЕНДЕЛЬ. Разве он так известен?

БАХ. Самый известный критик в Германии.

ГЕНДЕЛЬ. В то время он критиковал, прежде всего, меня. Критиковал жестоко и беспощадно. В моей музыке ему ничего не нравилось. (Со смехом). Хорошо, что вы не попали ему на язычок.

БАХ (виновато). Он пишет обо мне вполне благосклонно.

ГЕНДЕЛЬ (в изумлении). Матиссон?

БАХ (в лёгком смущении). Смею полагать, он считает меня довольно хорошим композитором.

ГЕНДЕЛЬ. Вас? Из всех возможных - именно Вас?

БАХ(с гордостью). Он называет меня гением.

ГЕНДЕЛЬ (встает). Он и в ту пору очень любил преувеличивать.

БАХ. Я мог бы быть гордостью многих народов.

ГЕНДЕЛЬ (глухо). Гордостью народов.

БАХ (поспешно). Так говорит Матиссон.

ГЕНДЕЛЬ. А обо мне что он говорит?

БАХ. Нечасто в последнее время.

ГЕНДЕЛЬ (запинаясь). А о «Мессии?»

БАХ. Ничего, если не ошибаюсь.

ГЕНДЕЛЬ. Ничего?

БАХ. Господи, да у этого человека полным полно важных дел.

ГЕНДЕЛЬ (шипит). У этого ничтожества?!

БАХ. Господин Гендель, ...

ГЕНДЕЛЬ (расхаживая пок комнате). Он хочет вытеснить меня из музыки. Он всегда этого хотел, ничтожный болтун: «Руки прочь от церковной музыки, для этого надо быть набожным. И иметь другого Бога, кроме самого себя»...

БАХ. Я вас не понимаю.

ГЕНДЕЛЬ. Это слова Матиссона. По поводу моих первых «Страстей».

БАХ. Его мнение о моих «Страстях по Матфею» мне неизвестно.

ГЕНДЕЛЬ (переходя на крик). Самое лучшее! Наверняка - самое лучшее!

БАХ (радостно). Было бы здорово.

ГЕНДЕЛЬ. Это я-то не набожный ? Я – автор «Мессии»? (шипит) «Пиши оперы. На это тебя хватит» (переходя на крик), И это ничтожество восхищается Вами!

БАХ (спокойно). Он обо мне хорошего мнения.

ГЕНДЕЛЬ. Он - болтун, и больше ничего. Слышали бы вы, как он поет, или видели, как дирижирует! А уж что он сочиняет...(останавливается у клавиатура): взять хоть «Клеопатру». Да ещё взял себе партию Марка Антония, этот боров! И мне пришлось дирижировать этой чушью. Что же при этом делает наш Матиссон? Он вдруг обнаруживает в своем великолепном произведении ужасную ошибку.

БАХ. Какую именно?

ГЕНДЕЛЬ. За полчаса до конца он ведь должен умереть.

БАХ. Умереть?

ГЕНДЕЛЬ. Покончить с собой - как Марк Антоний!

БАХ (с облегчением). Ах, вот как.

ГЕНДЕЛЬ. Таким образом, заключительные аплодисменты должны достаться мне как дирижёру. Что никак не устраивает Матиссона. Он в отчаянии и готов в буквальном смысле покончить с собой. Но потом ему в голову приходит спасительная идея. Вполне типичная для него.

БАХ (с любопытством). Какая же именно?

ГЕНДЕЛЬ. Идите-ка сюда. Это нельзя рассказать. Это надо показать.

БАХ (сконфуженно). Я еще не закончил есть.

ГЕНДЕЛЬ. Ну, идите, идите же. (Бах послушно встает и подходит к клавесину).
Итак, я буду за Матиссона, а вы – за меня.

БАХ (послушно кивает головой). Я - Гендель.

ГЕНДЕЛЬ. Итак, вы дирижируете оркестром. Ну-ка, дирижируйте (Бах имитирует движение рук дирижера. Гендель выходит на середину сцены). Итак, Матиссон стоит на сцене.

БАХ (дирижируя). Как Антоний.

ГЕНДЕЛЬ (вынимает шпагу и, держа её как меч, направленный в грудь самому себе, поет свою арию, имитируя, что закаляется). Кончает с собой.

БАХ. За полчаса до конца.

ГЕНДЕЛЬ. И вот- вот он должен уйти со сцены.

БАХ (продолжая дирижировать). Ведь он покончил с собой.

ГЕНДЕЛЬ. Но он не уходит с неё, а спускается ко мне в оркестр.

БАХ (опуская руки). Ко мне?

ГЕНДЕЛЬ. Ко мне.

БАХ. Вы же Матиссон.

ГЕНДЕЛЬ. Совершенно верно (подходит к Баху). Итак, я прихожу в оркестр, а там стоите вы (резко и сильно хватая Баха за руку: так, что тот испуганно вскрикивает от боли). Я вас отталкиваю в сторону, отталкиваю вас в темноту, чтобы вам не достались аплодисменты.

БАХ (согнувшись от боли) Отпустите!

ГЕНДЕЛЬ (отпуская Баха). Он хотел оттеснить меня и дирижировать сам.

БАХ. До конца?

ГЕНДЕЛЬ До аплодисментов.

БАХ (в восхищении). Гениально!

ГЕНДЕЛЬ. Почему?

БАХ. Потому что аплодисменты, таким образом, достаются ему.

ГЕНДЕЛЬ (кричит). Ему! Совершенно верно! А не мне!

БАХ. (искренно). Как подло.

ГЕНДЕЛЬ. Почти, мой дорогой, почти так. Но все-таки на том месте стоял я.

БАХ (показывая на себя) Я?

ГЕНДЕЛЬ. Вы - в качество Генделя. И я вас толкаю (резко толкает Баха). И вы пихаете меня. Ну-ка, пихайте.

БАХ (испуганно). Но, господин Гендель, ...

ГЕНДЕЛЬ (переходя на крик). Вы должны оттолкнуть Матиссона: вы же - Гендель (Бах отпихивает Генделя, но не очень сильно). Матиссон замечает, что я физически сильнее его.

БАХ. Совершенно верно.

ГЕНДЕЛЬ. И убегает. Я за ним (делает Баху знак, и тот бегом направляется к буфету). Мы вынимаем шпаги. Оба. Давайте (Бах неловко пытается вытащить шпагу из ножен. Гендель поднимает свою, направляя её на Баха). Он направляет шпагу на меня и колет (колет Баха в грудь, Бах отшатывается назад).

БАХ (кричит). Господин Гендель!

ГЕНДЕЛЬ (опуская шпагу). Я мог бы погибнуть.

БАХ (с трудом дыша). И я тоже.

ГЕНДЕЛЬ. Это всего лишь игра - с одним из призраков (вкладывая шпагу в ножны). Он хотел оттеснить меня и все ещё этого хочет, но никто не сумеет вытеснить меня с моего законного места. Никто! (тяжело дыша, падает в кресло). Я пережил это нападение, как, впрочем, и все другие.

БАХ (с благоговением). Просто чудо...

ГЕНДЕЛЬ. Удар его шпаги пришелся в пряжку на моем сюртуке, но у меня еще долго болела грудь. Она и сейчас болит.

БАХ. Вы переволновались.

ГЕНДЕЛЬ. Слегка. Совсем немного. Помнится, вы хотели мне что-то сыграть?

БАХ. Я - вам?

ГЕНДЕЛЬ. Так сыграйте же.

БАХ. Прямо сейчас?

ГЕНДЕЛЬ. Представьте мне свой гений.

БАХ. Может быть, Партиту № 4 в редакции Гольдберга? Я написал её по заказу графа Кейзелинга: по случаю его бессонницы.

ГЕНДЕЛЬ (берет бутылку со стола с напитками). Ну, и как: он заснул?

БАХ. Надеюсь.

ГЕНДЕЛЬ (с коротким смешком). От моей музыки еще никто не засыпал (подходя к креслу). Так сыграйте же вашу колыбельную (садится, поднимает бутылку). За графа Кейзелинга! (пьет.).

БАХ (неуклюже садится за клавесин, оборачиваясь к нему). Партита №4.

ГЕНДЕЛЬ (отрываясь от бутылки, облизывает губы). «Мускателер».

(Бах начинает играть. Затемнение. Звучит музыка).

СЦЕНА ВТОРАЯ

(В темноте звучат Гольдберг-вариации. Сцена постепенно освещается: Бах за клавесином, Гендель - в кресле. Он спит. Рядом с ним на полу пустая бутылка. Бах с воодушевлением заканчивает играть и оборачивается).

БАХ (торжественно). Партита № 4.

ГЕНДЕЛЬ (вздрагивая, поднимает голову). И правда, очень успокаивает.

БАХ (вскакивая). Вам понравилось?

ГЕНДЕЛЬ. Да-да, очень. Очень сложная музыка (встает, торопливо). Вы должны попробовать мускателер (наклоняется за бутылкой и видит, что она пуста: неловкая пауза). Где-то здесь должна быть ещё одна бутылка.

БАХ (с достоинством). Конечно, это не главное моё произведение.

ГЕНДЕЛЬ (тихо). Не главное...(подходит к двери). Ну, наконец, теперь можем и поесть.

БАХ (испуганно). Опять?

ГЕНДЕЛЬ (несколько раз дернув за шнурок у двери). Несколькими устрицами ведь не наешься. Теперь приступим к супу. Изготовленному по моему рецепту (со смехом). Когда композитору не идут в голову новые оперы, он может, на худой конец, заняться супами.

БАХ. Принцип «вариации», собственно говоря, совсем не сложен.

ГЕНДЕЛЬ. Не говорите - я очень долго колебался в выборе между розмарином и чебрецом.

БАХ. Я просто полистал нотную тетрадь своей жены...

ГЕНДЕЛЬ. Но конце концов, принял решение в пользу чебреца.

БАХ. ..и нашёл там совсем простую арию.

ГЕНДЕЛЬ. Это придаёт аромат, знаете ли, такой... определенный аромат.

БАХ. А потом варьировал эту арию. Все это очень просто.

ГЕНДЕЛЬ (делает несколько шагов, в задумчивости). Очень просто.

БАХ (оо смехом). Столь же просто, как есть устриц,

ГЕНДЕЛЬ. Дорогой коллега, это самое сложное произведение из всех мне известных.(со смехом). Однако, моим лондонцам, им нет смысла предлагать подобное. Им подавай музыку, от которой гудит в ушах.

БАХ. Здесь «Вариации» принимают довольно хорошо.

ГЕНДЕЛЬ (в задумчивости). Здесь, наверное, все-таки совсем другая публика.

БАХ. Требовательная.

ГЕНДЕЛЬ (запинаясь). Вот бы где сыграть «Мессию». Тихим вечером, земляки понаедут из Галле... (откашлявшись, меняет тон на деловой). При определенных условиях, я мог бы решиться на подобную гастрольную поездку.

БАХ. С вашим «Мессией»?

ГЕНДЕЛЬ (сделав неопределённый жест рукой). К примеру....

БАХ. В Саксонии.

ГЕНДЕЛЬ. Мог бы дать несколько концертов.

БАХ. В церкви святого Фомы.

ГЕНДЕЛЬ. Акустика там, вероятно, хорошая.

БАХ. Просто отличная.

ГЕНДЕЛЬ (тихо напевает). «Аллилуйя, аллилуйя...(с небольшим смешком)

Зрители встают, абсолютная тишина в зале. Та самая минута, когда слышно, как бьются сердца.

БАХ (слегка растеряно). Есть красивые пассажи, вне всякого сомнения.

ГЕНДЕЛЬ (с воодушевлением). Я сам буду дирижировать.

БАХ. Вы хотите играть в церкви святого Фомы?

ГЕНДЕЛЬ. За относительно скромный гонорар.

БАХ. Относительно скромный?

ГЕНДЕЛЬ (доброжелательно похлопав его по плечу). Но, поймите же, хороший мой человек (принимает актёрскую позу), ведь это сам господин Гендель в церкви святого Фомы.

БАХ (тихо). Не рекомендую.

ГЕНДЕЛЬ (не веря своим ушам). Не рекомендуете?

БАХ. Здесь вам не Лондон. Здесь музыка действует не только на барабанные перепонки.

ГЕНДЕЛЬ (раздражённо). Мой дорогой, у меня нет отбоя от приглашений со всего света.

БАХ. За исключением Саксонии, господин Гендель.

ГЕНДЕЛЬ. Кардинал Отобони, мой старый друг, так он меня просто умоляет еще раз приехать на гастроли в Рим.

БАХ (пожимая плечами). Кардинал....

ГЕНДЕЛЬ. Вице-король Ирландии стоит передо мной на коленях.

БАХ. Ирландия не Лейпциг, господин Гендель. С этим городом надо ещё справиться. Вы ещё не знаете местных критиков.

ГЕНДЕЛЬ (презрительно). Подумаешь, критики.

БАХ. Они даже меня не щадят. К примеру, в «Музикусе» - это неплохая газета, я регулярно ее читаю, - можно прочесть, что мое творчество уже устарело. А может, критик и прав?

ГЕНДЕЛЬ. Критик всегда прав. Он за это деньги получает.

БАХ. А мои «Страсти по Матфею»? Неплохо сделано, согласитесь. Знаете, что о них говорят тут, в Лейпциге? – Такой музыке не место в церкви. (с горечью)

Пусть её играют в опере. Вот, и исполнили их всего один раз. Один единственный раз. (со вздохом) Нет, господин Гендель, чтобы иметь успех в Лейпциге, надо писать отлично сделанную музыку.

ГЕНДЕЛЬ (задыхаясь). Они превосходно сделаны.

БАХ. Вы купаетесь в лучах собственной славы. Громоздите успех на успех, и не можете себе представить, как горьки неудачи, особенно в нашем возрасте.

ГЕНДЕЛЬ. Не такой уж я и старик.

БАХ. В этом возрасте не заставить себя легко переносить неудачи. (негромко)

Я-то с юности привык к ним.

ГЕНДЕЛЬ (в ярости). Я тоже! И даже поосновательней, чем Вы в своём уютном садике, дорогой кантор у Святого Фомы. Что знают здесь о настоящих неудачах?!

БАХ (удивлённо). Разве у Вас тоже были провалы?

ГЕНДЕЛЬ. Постоянно, и причём – гигантские. Но о них здесь, конечно, не знают. Осведомлены только об успехах где-то там, в большом мире. Никто здесь не догадывается о моих страданиях, о том терновом венце, который вынужден носить каждый истинный мастер. Так что ругань лейпцигских болванов просто позабавила бы меня.

БАХ. Они бывают даже очень злы.

ГЕНДЕЛЬ (небрежно). Такая уж у них профессия. (с коротким смешком) «Музикус» - эту газетёнку, пожалуй, и открывать-то не стоит. Но меня ругают не только в Лейпциге, меня ругают по всему миру. «Дейдамия» выдержала всего три постановки, да и то – билеты не были распроданы. А возьмите «Ксеркса»: лондонский архиепископ обвинил меня в безнравственности – разразился скандал. Но даже это не помогло наполнить кассу.

БАХ (под впечатлением сказанного). Настоящая трагедия.

ГЕНДЕЛЬ (деловым тоном). И, прежде всего, финансовая (вновь с пафосом). А когда, два года назад, мне пришлось закрыть театр, ...

БАХ (с испугом). Вам пришлось закрыть свой театр?

ГЕНДЕЛЬ. Прямо в середине сезона мы должны были вернуть деньги за абонементы. Сушая катастрофа. Первоначально, пока дело ещё не дошло до крайности, я направил письма всем нашим владельцам абонементов с просьбой повременить. К моему великому огорчению, эти попытки не привели ни к чему, а тем временем, расходы мои росли.

БАХ (потрясённый, опускается на стул). Какой ужас!

ГЕНДЕЛЬ. Однако я уверен, что нация, характерной чертой которой является доброта, ... (перебивает сам себя, подхихикивая)...доброта. Вот это им понравилось. (вновь с пафосом) Такая нация испытала бы смущение, если бы позволила погибнуть человеку, который старался её развлекать.

БАХ (со слезами в голосе). Как трогательно.

ГЕНДЕЛЬ (к концу реплики почти деловым тоном). «Сдавшие билеты могут получить обратно деньги в доме мистера Генделя на Ганновер-сквер».

БАХ. Потрясающе!

ГЕНДЕЛЬ (с прохладцей). Конечно. Именно поэтому я так и написал. (потирая руки) И никто не захотел получить обратно свои деньги. (с драматическим вздохом) Да, мой дорогой, всё это звучит немножко иначе, нежели здешнее шипение, в провинциальном Лейпциге.

БАХ (в задумчивости). Деньги...Мне никогда не приходилось их возвращать.

ГЕНДЕЛЬ. Деньги...А что такое деньги? Речь ведь идёт об искусстве. Здесь, быть может, оно и является удовольствием или даже снотворным. Там же, в большом мире, искусство –это вечная борьба.

БАХ. И Вам удаётся выживать в этой постоянной борьбе?

ГЕНДЕЛЬ (приняв позу). Я всегда крепко стоял на ногах - даже тогда, когда впервые исполнялась эта опера нищих, это бесчестное сочинение, позорное издевательство над моими операми. Вы же знакомы с этой подделкой?

БАХ (доброжелательно). Нет.

ГЕНДЕЛЬ (потрясён). Вы - первый, от кого я это слышу.(с ещё большим пафосом) Это было просто невероятно. Даже убийственно. Вот именно: покушение на моё искусство. Над моим творчеством смеялись, над ним издевались, его оплёвывали и истязали - в буквальном смысле. Весь Лондон хохотал - целая буря смеха. Да что я говорю: вся Англия хохотала, весь мир, а я - простирал руки в позе распятого Христа. Именно так я и стоял. Я стал посмешищем эпохи.

(Дверь открывается. Входит Шмит с огромной супницей).

ШМИТ (торжественно). Вот вам...(останавливается, удивленно-вопрошающе смотрит на Генделя. Он поражён. Меняя тон, тихо). Вот вам суп.

ГЕНДЕЛЬ (опуская руки). Я как раз рассказываю об опере нищих.

ШМИТ (ставит супницу на стол). Да, весёлое было времечко.

ГЕНДЕЛЬ (подходя к столу). Совсем даже невесёлое.

ШМИТ. Как мы все смеялись...

ГЕНДЕЛЬ (садясь за стол)...над этим покушением на меня.

ШМИТ (разливая суп). Правда, очень смешно всё это выглядело. Опера в стиле господина Генделя, только действие её происходит среди нищих и жуликов.

ГЕНДЕЛЬ (повязывая огромную салфетку). Какая наглость.

ШМИТ (подхихкивая). А в финале главный жулик стоит под виселицей и поёт точно так, как поют герои в операх господина Генделя.

БАХ (расхохотавшись). Жулик?

ШМИТ. Прямо как Ксеркс.

БАХ. Воистину смешно.

ШМИТ. Безумно смешно. И невероятный успех.

ГЕНДЕЛЬ (ударя кулаком по столу). Хватит!

ШМИТ (не обращая внимания). Наш повар пять раз ходил на неё, а я даже шесть. И каждый раз с огромным удовольствием.

БАХ. Будьте добры, ...

ШМИТ (услужливо). Что угодно господину Баху?

БАХ. Можно и мне салфетку?

ШМИТ. Позвольте спросить Вас?

БАХ (сконфуженно). Это - мой лучший сюртук.

ШМИТ. Я позволил себе послушать Вашу игру.

БАХ. Он уже два раза перелицован.

ШМИТ. Вот что значит истинное мастерство. Вы просто обязаны поехать на гастроли в Лондон. Лондон ещё не слышал такой музыки.

ГЕНДЕЛЬ. Исчезни-ка со своим супом.

ШМИТ. Над Вами-то точно смеяться не будут.

ГЕНДЕЛЬ. Да уйди же ты, наконец (встаёт и подталкивает Шмита к двери).

ШМИТ. Над Вами - нет. Над вами - нет (Гендель выталкивает его за дверь).

ШМИТ (заглядывает в дверь). Над Вами точно нет (осторожно закрывает дверь. Гендель недоверчиво наблюдает, потом снова принимается за суп. Хлопает дверь).

ГЕНДЕЛЬ (вздрагивает, продолжая мрачно хлебать суп). Вы же понимаете: все эти неудачи, провалы, катастрофы – они не имели никакого отношения к моему искусству и ни коим образом не повлияли на мою творческую репутацию.

БАХ (доброжелательно). Конечно, нет.

ГЕНДЕЛЬ. Все это следует воспринимать на фоне большой политики.

БАХ. Разумеется.

ГЕНДЕЛЬ. Шмит этого не понимает, но мне всё было ясно с самого начала. Моё творчество - часть мирового исторического процесса.

БАХ (усердно кивая). Совершенно верно.

ГЕНДЕЛЬ. Считалось, что я - друг короля, а премьер-министр, этот добряк Уолпол, в свою очередь, был врагом крон-принца. Крон-принц же, являясь врагом своего отца, был, следовательно, и моим врагом (смеётся). Вывод можете сделать сами.

БАХ. Не могу.

ГЕНДЕЛЬ. Хорошо. Ещё раз: я был другом короля.

БАХ. (старательно). Это я понимаю.

ГЕНДЕЛЬ. Таким образом, крон-принц - враг моего друга Уолпола - был и моим врагом, поскольку я являлся не врагом короля, ...

БАХ (старательно)...а его другом.

ГЕНДЕЛЬ (с облегчением). Ну, наконец-то, поняли.

БАХ (простодушно). Нет.

ГЕНДЕЛЬ (со вздохом). Вот и я не совсем понял. Последствия, однако, были ужасными.

БАХ (отхлёбывая суп). Суп вполне вкусный.

ГЕНДЕЛЬ. Моих лучших певцов переманили.

БАХ. Моя жена готовит его по тому же рецепту.

ГЕНДЕЛЬ. А взамен навязали жуликов.

БАХ. Но без чабреца.

ГЕНДЕЛЬ. Грозилась убить.

БАХ. Честно говоря, получается даже еще вкуснее.

ГЕНДЕЛЬ (с раздражением). У Вас, господин Бах, по всей видимости, нет врагов?

БАХ. Врагов?

ГЕНДЕЛЬ. В Вашем тесном мирке...

БАХ. ...хватает врагов.

ГЕНДЕЛЬ. И они тоже угрожали Вам смертью?

БАХ. Угрожали- увольнением.

ГЕНДЕЛЬ. Разве это так ужасно?

БАХ. У меня большая семья.

ГЕНДЕЛЬ. В таком случае приходится постоянно угождать, улыбаться, благодарить за каждую ложку супа.

БАХ. Чаще всего, да. Но иногда я теряю терпение. Например, из-за элементарных ошибок кого-нибудь из органистов. Сначала, вполне доброжелательно, советую ему пойти в сапожники. Потом, конечно, начинаю немножко нервничать, срываю с себя парик (вскакивает, срывает с себя парик).

ГЕНДЕЛЬ (в ужасе). Господин Бах!

БАХ (спокойно). И правда - без парика удобнее (долго и тщательно приводит парик в порядок, после чего вешает его на спинку стула. Продолжает вполне светским тоном). Так вот, в результате, я запускаю его в голову этому сапожнику. А он на это что делает?

ГЕНДЕЛЬ. Что же он делает?

БАХ. (с удивлением в голосе). Он? Он принимает это за личное оскорбление. Хотя позже я и объясняю ему, что лично против него я ничего не имею. Речь идет о том, как он играет на органе, но говорить с ним об этом просто невозможно. Так, вот, зарабатываешь себе врага, сам не зная, почему (опускается на стул). Или вот Вам другой пример. Однажды я сбросил с балюстрады, где находится орган, одного ничтожного хориста, потому что ему там просто нечего было делать, ...Или, вот, был ещё человек - он раскритиковал мою лучшую фугу. Естественно, что этот невежа заработал от меня пощечину. Потом мои ученики - все они сущие варвары да к тому же и сапожники (смеётся). А недавно, можете себе представить, один из них жаловался, говоря, что я ему снюсь каждую ночь.

ГЕНДЕЛЬ. В кошмарных снах?

БАХ (холодно). И каждый раз он во сне вешается.

ГЕНДЕЛЬ (в испуге). Это же так ужасно.

БАХ. Ну и пусть вешаются, эти сапожники. Ничего лучшего они не заслуживают. Они не заслужили меня. Они не стоят моего искусства.

ГЕНДЕЛЬ (он поражён). Но господин кантор у Фомы, ...

БАХ (встаёт, продолжает с беспечностью). А теперь выпью ещё вина.

ГЕНДЕЛЬ. Ваш суп остынет.

БАХ (подходит к столу с напитками). С чабрецом он мне не так нравится.

ГЕНДЕЛЬ (глухо). Вы - чудовище, господин Бах.

БАХ. Так все говорят.

ГЕНДЕЛЬ. Настоящее чудовище.

БАХ. Таким и надо быть, господин Гендель, иначе тебя сожрут звери (берёт бутылку отпивает глоток). Однажды в хоре у меня был один такой ничтожный человечешко по имени Гаэрсбах, и я как-то его обидел, назвав подонком или чем-то в этом роде. Так вот, вечером, когда я шёл домой (хихикая), кстати, в очень приятной компании, вдруг ко мне подошел этот парень (смеётся). Нет, рассказать это невозможно, это надо показать. Встаньте-ка, пожалуйста (Гендель демонстративно продолжает хлебать суп).

ГЕНДЕЛЬ. Я ем, господин Бах.

БАХ (не обращая внимания). Итак, я за Гаэрсбаха, а Вы – за меня. Представим себе такую приятную компанию.

ГЕНДЕЛЬ (переходя почти на крик). Я ещё ем!

БАХ (не меняя тона). Ну, хорошо. Тогда Вы будете за Гаэрсбаха, а я останусь самим собой.

ГЕНДЕЛЬ (кричит). Я ем!!!

БАХ. Сидите спокойно.

ГЕНДЕЛЬ (вскакивает, сжав кулаки). Господин Бах!

БАХ. Вот точно так же и Гаэрсбах стоял передо мной (вытаскивает шпагу из ножен). Вот так я вытащил шпагу и ... (направляет шпагу на Генделя. Тот отшатывается, поднимает руки вверх, спиной наталкиваясь на буфет, в котором падает посуда).

ГЕНДЕЛЬ (запинаясь). Господин Бах, ... (мгновение они стоят друг перед другом, потом Бах опускает шпагу).

БАХ (равнодушно). Извините, это всего лишь игра. Где же мое вино? (снова подходит к столу с напитками).

ГЕНДЕЛЬ (тяжело дыша). Миру нелегко с Вами.

БАХ (взяв бутылку). И мне нелегко с ним (отпивает глоток). Это рейнское?

ГЕНДЕЛЬ (ворчливо). Арское.

БАХ (дегустируя). Букету чуть-чуть не хватает легкости.

ГЕНДЕЛЬ. Я тоже часто бываю груб. Как говорится, репутация обязывает. Но существуют же определённые границы.

БАХ. Разумеется. Иначе курфюрст...(кланяется портрету). Иначе что может подумать обо мне его высочество?

ГЕНДЕЛЬ. Ему-то Вы не бросаете в лицо парик.

БАХ (с ужасом в голосе). Его высочеству?

ГЕНДЕЛЬ. Так значит, все -таки есть разница?

БАХ. А как иначе я получил бы свой титул? (со смехом) Там мне пришлось быть вежливым, преклонять колена, целовать руку и сочинить мессу, которая ласкала бы ухо курфюрста... Я долго вынужден был кланяться, пока получил всё, что хотел. Нет, конечно, я имею представление о хороших манерах.

ГЕНДЕЛЬ. Вы кланялись себе титул?

БАХ. А Вы - нет?

ГЕНДЕЛЬ. Это меня обычно просят.

БАХ. Вам просто везёт.

ГЕНДЕЛЬ. У меня есть отвага - единственное, что котируется у тронов сильных мира сего (смеётся). Конечно, будь я маленьким кантором, и мне, наверное, пришлось бы кланяться расположению у власть придержащих (продролджает громовым голосом, указывая на портрет). А так, я, как правило, показываю властям голый зад.

БАХ (обращаясь к портрету, с испугом). И нашему курфюрсту?

ГЕНДЕЛЬ. Любому князю мира сего.

(Дверь открывается. Входит Шмит с огромным подносом).

ШМИТ (торжественно). Рыба а ля кольбер (замечает осколки). Что здесь произошло?

БАХ (возвращаясь к столу). Всего лишь дуэль.

ШМИТ (испуганно). Дуэль?

БАХ (садится) Или игра с призраками.

ШМИТ (со вздохом). Мне они знакомы.

ГЕНДЕЛЬ (раздраженно). Когда принесут поесть?

(Шмит несет поднос к столу, накладывает еду в тарелки).

ГЕНДЕЛЬ (преувеличенно смакуя). Рыба а ля кольбер. Лучший дар Франции. Сколько раз я угрожал доброму Уолполу переехать во Францию только из- за этого блюда.

ШМИТ (протягивая Баху салфетку). Ваша салфетка, господин Бах.

БАХ. Спасибо. И тем не менее, я всё-таки сниму сюртук. Так приятнее (встает и вешает сюртук на спинку стула, повязывает салфетку вокруг шеи, нчинает шумно есть, то и дело, отхлёбывая из бутылки. Шмит, опустившись на колени, собирает осколки с пола.

ГЕНДЕЛЬ (жуя). Когда же я в последний раз ел эту рыбу?

ШМИТ (на коленях). У короля.

ГЕНДЕЛЬ (кладет вилку, задумчиво). У доброго Георга. Замечательный человек. Настоящий друг. Как и его отец. Ещё и сегодня я сожалею, что иногда приходилось быть с ним таким грубым. Но только ради искусства. В искусстве старик ничего не понимал. Ну, да ладно. У всех у нас свои недостатки. Лучшему другу всё простишь ради дружбы. Она для меня свята. Не правда ли, Шмит?

ШМИТ. Вы ведь довольно долго добивались её.

ГЕНДЕЛЬ (подавшись вперёд). Я? Добивался?

ШМИТ (встав с пола). Ведь король сначала терпеть Вас не мог, но Вы вцепились ему в мантию и так долго стояли перед ним на коленях, ...

ГЕНДЕЛЬ. Пошел вон!!!!

ШМИТ (со смехом). Господин Гендель даже нанял лодку и оркестр, и так долго плыл за кораблём короля, давя ему на барабанные перепонки своей музыкой, что, наконец- то, у этого бедняги не осталось другого выхода, как...

ГЕНДЕЛЬ (вскакивая). Исчезни!! Отрыжка музыканта! (Шмит застывает, потом с достоинством идет к двери, выходит и с грохотом захлопывает её. Гендель вздрагивает).

БАХ (со смехом). Отрывка музыканта. Именно так и я назвал Гаэрсбаха (берет ещё кусок и шумно жуёт).

ГЕНДЕЛЬ (строго). Вижу, Вам понравилось, господин Бах.

БАХ (с набитым ртом). Первый раз в жизни ем такую рыбу.

ГЕНДЕЛЬ (развязывая салфетку). Это я уже слышал.

БАХ (подняв бутылку, любезно). Ваше здоровье! (пьёт).

ГЕНДЕЛЬ (смотрит на него с отвращением и говорит, одновременно не торопясь одевая свой сюртук, потом парик, достаёт из кармана перчатки). Пока ешь эту рыбу в компании короля -- а это такая честь: обедать с его величеством - нельзя следить за разговором вокруг, нельзя даже обращать внимания на вкус того, что ешь. Вкусно должно быть только его величеству. И только его величество имеет право расслабиться, снять сюртук и парик, отхлебнуть прямо из бутылки. Оно имеет право на всё. Остальные же ни на что не имеют права - они должны лишь безупречно вести себя за столом, быть безукоризненно одеты, особое внимание необходимо уделить парикам. И шпага должна быть на положенном месте, её ни в коем случае нельзя обнажать в присутствии его величества. В противном случае это считается государственной изменой. Максимум, что можно себе позволить, - некую небрежность в перчатках, если таковые, конечно, имеются (выходит вперёд, принимая позу своего последнего портрета). Вот таким я закажу свой портрет.

БАХ (подняв глаза от тарелки). Извините.

ГЕНДЕЛЬ (сухо). С удовольствием, господин Бах.

БАХ. Букету Арнского все же не хватает чуть-чуть легкости. А не найдётся ли у вас сухого Франкского, но не слишком сухого?

ГЕНДЕЛЬ (сглатывает от неожиданности, но отвечает подчеркнуто вежливо). Пожалуйста (направляется к столу с напитками и долго наливает из бутылки в стакан. Бормочет под нос). Вцепился в мантию. Стоял на коленях перед королём, потом поехал за ним. Да, так я и делал. И ещё многое другое. Но я должен был это делать. Ради искусства. Ему не обойтись без власти, а власти, в свою очередь, - без него. Только она об этом не подозревает, вот и надо говорить, надо кричать об этом - в самое ухо кричать ей об этом, пока она не поймет (возвращаясь к столу, подносит стакан Баху). Вот сухое Франкское, господин Бах.

БАХ (дегустируя вино). Сорок второго года?

ГЕНДЕЛЬ. Сорок третьего.

БАХ (оценивая, качая головой). И все же слегка...букет почти...

ГЕНДЕЛЬ. Но ведь не слишком сухое, согласитесь?

БАХ. Сорок второго всё же получше. Впрочем, и сорок третьего вполне приемливо (поднимая стакан). За Ваше гостеприимство, господин Гендель. Ваше здоровье!(пьет).

ГЕНДЕЛЬ (резко обернувшись, начинает расхаживать по комнате, бормочет под нос). Моё здоровье, моё здоровье...оно никого не волнует, а меньше всех – самого меня (громко). Моё дело - искусство, а не здоровье. Я готов на все ради искусства (почти кричит). На всё, господин Бах (тише). Клянуть у князя титул - это даже смешно. Какая польза от этого князю? Ему нужны ценности. Лучше всего, отдать самого себя или своё искусство. Я позволил вице-королю Неаполя написать ничтожные стишки для «Агриппины» только для того, чтобы он разрешил мне поставить её в своем театре.

БАХ (с уважением). Разумно.

ГЕНДЕЛЬ. Я сочинил музыку к дню рождения королевы, хотя ни к чему я не был более равнодушен, чем ко дню рождения этой старой девы.

БАХ (наморщив лоб). Не слишком достойный поступок.

ГЕНДЕЛЬ. Зато двести фунтов и поручение написать «Утрехтский Тедеум».

БАХ (с уважением). Ну, тогда другое дело.

Гендель. Я и понятия не имел, при чём тут, собственно говоря, Утрехт. Но выполнил заказ за два дня.

БАХ. Вы трудолюбивы.

ГЕНДЕЛЬ. Я прославлял трусов, делая из них героев, поражения превращал в победы и вместо мира воспевал войну.

БАХ (с упрёком). Пожалуй, Вы зашли слишком далеко.

ГЕНДЕЛЬ (переходя на крик). Да, я зашёл слишком далеко. Я всегда захожу слишком далеко – в деньгах, в еде, в отношении самого себя. Но ни в чем я не зашёл так далеко, как в игре со властью. Своим искусством я покорила власть. Я заключил её в объятия. И в этих сладострастных объятиях мы совокупаемся на грешной кровати, название которой - музыка

(Бах шокирован, он откашливается). Всё это далось мне не так-то легко, но зато я – король музыки. Поначалу были и другие, так называемые, «короли» - эти бандиты от музыки, от которых за версту несет пивом. Но первый стал моим другом, и второй тоже, а третий ещё будет моим другом.

БАХ (деловым тоном). Связи имеют значение, при определённых условиях.

ГЕНДЕЛЬ. Однако, все неприятности, связанные с этими бандитами, меркнут перед тем ужасом, который внушает мне публика. Публика - вот истинная и единственная власть, перед которой нельзя не дрожать всю жизнь.

БАХ (с отвращением). Отвратительно.

ГЕНДЕЛЬ. Чистое варварство. Эта свора требует корма и получает его, а мы и есть этот самый корм. Нас бросают на съедение этой своре. Важно лишь одно: будет она нас есть или нет.

БАХ (брезгливо). Воистину, отвратительно.

ГЕНДЕЛЬ (глухо). Этот страх преследует меня от перед каждым представлением. И я ничего не могу тут поделать. Только бы не выдать себя, потому что свора уже наготове. Приходится бороться и побеждать...

Аплодисменты, очередной триумф, крики «да здравствует милый саксонец!» После чего чувствуешь себя легко и свободно. И так до следующего раза.

БАХ (глухо). Как в аду.

ГЕНДЕЛЬ. Все мы подобны шлюхам, господин Бах. Так же навязываем себя, и если вдруг никто нас не захочет, впадаем в панику: караул! мы пропали! всё кончено, и обратно в канаву – до следующего выступления.

БАХ (запинаясь). Такого мне не пришлось пережить.

ГЕНДЕЛЬ. Поэтому Вы и остались всего-навсего кантором у святого Фомы.

БАХ (спокойно). Уже кое- что.

ГЕНДЕЛЬ (переходя на крик). Маленький кантор у святого Фомы!

БАХ (кладет вилку и нож, отталкивает тарелку, долго вытирает рот салфеткой и тщательно её складывает). Очень вкусная рыба. А теперь позвольте...

ГЕНДЕЛЬ. Что Вам теперь угодно?

БАХ. Трубочку. Единственную роскошь, которую может себе позволить кантор у Фомы (встаёт, достаёт из кармана штанов табак и трубку и набивает её).

Набивая трубку). Для этого не стоило ни вцепляться в мантию, ни гоняться за бандитом, от которого воняет пивом (подходит к подсвечнику на стене, раскуривает трубку от пламени свечи). Ему безразличен день рождения королевы, он может позволить себе ни на что не обращать внимания, особенно на публику (выходя вперёд). Моя музыка принадлежит только мне.

ГЕНДЕЛЬ (шипит). И где же она звучит?

БАХ (стучит пальцем себе в грудь). Здесь, господин Гендель.

ГЕНДЕЛЬ (со смехом). Довольно простой театр.

БАХ. Зато хорошо посещаемый (одевает сюртук и парик). Сажу я в комнате у Святого Фомы – там, где обычно работаю. Откуда-то издали доносятся крики детей, жена распевает песню, а я играю и чувствую себя счастливым, работая над канонами или над арией. Какое удовольствие! Какое небесное наслаждение! А Вы, господин Гендель, играете просто так, ради удовольствия?

ГЕНДЕЛЬ. Я не ребёнок.

БАХ (выходит вперёд, помахивая трубкой. Гендель расхаживает по комнате). А я иногда позволяю себе быть ребёнком. Никто не рисует меня с головой свиньи, а людям всё равно, чем я питаюсь и кто я такой. Порой им, возможно, и не нравится моя музыка. Но с политикой это никак не связано. Мировая история не интересуется мной, и я мало ей интересуюсь, а мои враги – они лично мои враги. А когда мне нужно взять крепость, я поступаю очень просто: клянчу себе титул у курфюрста. Он мне не друг. Друзей я выбираю себе сам. И среди них нет ни одного бандита, от которого несёт кислым пивом.

ГЕНДЕЛЬ (останавливаясь, в упор смотрит на Баха).

БАХ. Я не валяюсь на грешной кровати, и никому не навязываюсь. Зато я сижу за органом у Святого Фомы, и во мне звучит моя музыка – мои «Страсти по Матфею». Я вижу Храм, Крестный путь нашего Господа, я слышу крики «осанна!» и «распни его!», и в тот момент я нахожусь там, на Голгофе. И это не имеет никакого отношения к моему ничтожному гонорару (Гендель в ярости отворачивается. Бах, вынув трубку изо рта, продолжает с мрачным видом). Конечно, это не приносит денег, ни гроша (неожиданно переходит на крик). А знаете, сколько я получил за «Страсти по Матфею»? Ничего я не получил, господин Гендель. Ни копейки.

ГЕНДЕЛЬ (оборачивается, указывая пальцем на Баха). Потому что Вы – дилетант, господин Бах.

(Застывают в своих позах, как в стоп-кадре. Резко и громко звучит «Аллилуйя». Занавес быстро опускается).

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

Звучит «Аллилуйя». Занавес поднимается. Оба персонажа находятся в прежних позах. Музыка обрывается. Гендель опускает руку, трёт глаза. Бах подходит к столу и вытряхивает трубку на тарелку).

ГЕНДЕЛЬ (неторопливо). Извините, я выразился совсем не в том смысле. Конечно нет, Вы не дилетант, напротив, - большой талант, гений. Прошу простить меня.

БАХ (протягивая ему трубку). Трубочку хотите?

ГЕНДЕЛЬ (почти робко). Так Вы извиняете меня?

БАХ (засовывая трубку в карман). Дилетант - это ещё что. Ректор богадельни Святого Фомы – так тот меня называет просто шарманщиком.

ГЕНДЕЛЬ (глухо) И меня тоже.

БАХ (в ужасе). Наш ректор?

ГЕНДЕЛЬ. Все. И причём, постоянно. К примеру, мой отец любил повторять: «Ты же не хочешь стать шарманщиком?». И сегодня точно так же шепчутся за нашими спинами. Даже если кардиналы и короли встают, приветствуя нас.

Шарманщик (смеётся). Нагромождаешь успех на успех, выжимаешь из каждой ноты лишний пфеннинг и, наконец, становишься богаче, чем дорогой папаша в любой момент его жизни. Зато имеешь работу и ничего, кроме работы, а глаза уже не так хорошо видят, и постепенно слепнешь. Так что, в конце концов, остаёшься всего-навсего маленьким музыкантом.

БАХ (доброжелательно). Когда подадут следующее блюдо?

ГЕНДЕЛЬ. Я больше не хочу есть.

БАХ (идет в глубь сцены). Зато я хочу.

ГЕНДЕЛЬ (задумчиво). Так, значит, Ваши предки родом из Богемии?

БАХ (дергает за шнурок). Уже двести лет.

ГЕНДЕЛЬ. И мои тоже.

БАХ (еще раз дергает за шнурок). Оттуда вышло много музыкантов.

ГЕНДЕЛЬ. И все - шарманщики.

БАХ. (дергает за шнурок). Весёлая профессия.

ГЕНДЕЛЬ (тихо). Я всегда восхищался Вами, господин Бах.

БАХ (выходя на середину сцены). Мной?

ГЕНДЕЛЬ. Я знаю каждое Ваше произведение. Почти каждую ноту. «Вариации Гольдберга» - просто гениально!.

БАХ. Так они Вам известны?

ГЕНДЕЛЬ. Я их часто играю, чтобы успокоиться. А когда мне весело, играю Вашу танцевальную музыку.

БАХ. Я не пишу танцевальную музыку.

ГЕНДЕЛЬ. Гениальная танцевальная музыка (напевает несколько тактов из Бранденбургских концертов).

БАХ. Бранденбургские концерты. Затяя юности.

ГЕНДЕЛЬ. Ваша музыка для фортепиано - партиты, кантататы...

БАХ (с удивлением). Так Вы всё знаете.

ГЕНДЕЛЬ. А «Страсти по Матфею» - просто невероятно!

БАХ (стесняясь). Кое-что я взял из Вашей «Альмиры».

ГЕНДЕЛЬ. Как будто видишь всё своими глазами, слышишь «осанну» и «распи его», стоишь на Голгофе...(со смешком) В один прекрасный день Вы станете на нашей родине святым, пятым евангелистом, а я так и останусь человеком света, человеком этого света. Так и будут обо мне говорить, даже на том свете (неожиданно с яростью). А я ведь написал «Мессию». (взяв себя в руки) Вам нравится франкское?

БАХ (тоном знатока). Пить можно.

ГЕНДЕЛЬ (подходит к столу с напитками, отпивает глоток. Неторопливо). Вы, наверное, не боитесь того света?

БАХ. Я и этого, собственно, не боюсь.

ГЕНДЕЛЬ. Ну, а ослепнуть - боитесь?

БАХ. Нет, не боюсь.

ГЕНДЕЛЬ. Не боитесь?

БАХ. Чего?

ГЕНДЕЛЬ. Остаться совсем одному?

БАХ. У меня есть семья.

ГЕНДЕЛЬ. Не видеть жену.

БАХ. Я знаю, как она выглядит.

ГЕНДЕЛЬ. В темноте, в тишине.

БАХ. Мои дети достаточно шумные.

ГЕНДЕЛЬ. Без работы.

БАХ. Работы мне хватало всю жизнь.

ГЕНДЕЛЬ (с бутылкой в руке подходит к столу). Сидите в своём кабинетике, где-то шумят дети, жена поёт (опускается на стул, ему становится жаль себя). А я, старый и слепой, сижу один в своём огромном доме, при мне только Шмит, и он хлопает дверьми... всё прошло, нет больше ни успехов, ни провалов – ничего больше нет. Нет театра. Всё кончено. Только тишина. Ни жены, ни детей...

БАХ. Человеку надо быть предусмотрительным.

ГЕНДЕЛЬ (неожиданно резко и громко). Бах!

БАХ (испуганно). Что, господин Гендель?

ГЕНДЕЛЬ (тоном приказа). Вы поедете со мной.

БАХ. В Лондон?

ГЕНДЕЛЬ. Мой дом достаточно просторный.

БАХ. Вы хотите, чтобы я копировал Вам ноты?

ГЕНДЕЛЬ (вставая). Для этой цели у меня есть Шмит. Нет, мы будем помогать друг другу, будем общаться, возможно даже, будем вместе сочинять. Почему бы нет? Один раз я так уже делал, двадцать лет назад. С этим итальянцем,

Бонончини. Один акт писал он, другой я. Это была сенсация. Вещь, правда, получилась дрянная, но касса была полна.

БАХ. Господин Гендель, ...

ГЕНДЕЛЬ (расхаживает взад-вперед по комнате. Видно, что эта идея ему нравится). Но самое главное, я научу Вас быть деловым человеком. Написать «Страсти по Матфею» и не заработать на этом ни пфеннинга – просто позор. Искусству не к лицу такой позор.

БАХ. Господин Гендель, ...

ГЕНДЕЛЬ. Для начала напишите ораторию. Вы должны будете тщательно выбрать текст. В нём не должно быть слишком много христианства, а то евреи не придут слушать. И не слишком много нравственности, а то дамы не придут.

БАХ (очень громко). Господин Гендель!!!

ГЕНДЕЛЬ но самое главное - продажа нот. От этого вся выгода. Я познакомлю Вас с моим издателем. Он, конечно, жулик, как все издатели, но - честный жулик. И не такой чопорный, как Ваши издатели здесь, в Германии (протягивает ему руку). Ну, господин Бах, согласны?

БАХ (видя руку, протянутую Генделем, отворачивается от него и, опираясь на стол, говорит, растягивая слова, чуть ли не со злостью). Слишком поздно, господин Гендель.

ГЕНДЕЛЬ (убирает руку, с досадой). Никогда не бывает слишком поздно.

БАХ (тихо). Такое бы предложение лет двадцать назад, и я согласился бы, даже копировать Ваши ноты.

ГЕНДЕЛЬ (неторопливо). Ну же, ну.

БАХ (неторопливо). Если бы я тогда познакомился с Вами, ...

ГЕНДЕЛЬ. Тогда мы не познакомились.

БАХ. Но мы могли бы.

ГЕНДЕЛЬ (слегка нервничая). Я не слишком часто бывал в Германии.

БАХ. Достаточно часто. Например, семнадцать лет назад Вы были в Галле. Я тогда отправил к Вам одного из моих сыновей и передал через него просьбу встретиться, но Вы не приняли его.

ГЕНДЕЛЬ. Тогда только что умерла моя мать.

БАХ. И двадцать четыре года назад.

ГЕНДЕЛЬ. Тогда я гастролировал по Европе. И мог оставаться на родине всего несколько часов.

БАХ (садится на стул, лицом к спинке). И потом, в первый раз, кажется, в 1716 году. Вы уже пользовались известностью и приехали в Германию как известный всему миру господин Гендель. Успех был у Вас в кармане (с тоской) Тогда, тогда бы увидеть Вас и поговорить с Вами хоть разочек.

ГЕНДЕЛЬ. Почему Вы этого не сделали тогда?

БАХ. Как всегда, Вы не приняли меня.

ГЕНДЕЛЬ. Мне кажется, что тогда...

БАХ (участливо). Тогда, кажется, умер Ваш отец?

ГЕНДЕЛЬ. Нет.

БАХ. Может быть, сестра или любимая тетка?

ГЕНДЕЛЬ. Тогда...тогда...но что-то ведь было тогда.

БАХ. Ничего не было.

ГЕНДЕЛЬ. Нет, было, было.

БАХ. Был только господин Пах.

ГЕНДЕЛЬ (поправляет его). Бах.

БАХ. Маленький шарманщик.

ГЕНДЕЛЬ. У меня не было времени. Мне его никогда нет.

БАХ. А сегодня есть.

ГЕНДЕЛЬ. И сегодня нет. Я давно уже должен был быть в Дрездене.

БАХ. Но Вы здесь.

ГЕНДЕЛЬ (тихо). Да, здесь.

БАХ. И у Вас хватило времени пригласить на ужин маленького кантора (нетерпеливо оборачивается к двери). Где застряло жаркое, хотел бы я знать?

ГЕНДЕЛЬ (задумчиво). Будет паштет из дичи.

БАХ (радостно). И к нему выдержанный Токай.

ГЕНДЕЛЬ (медленно). Мне было просто любопытно, я хотел увидеть Вас, я должен был Вас увидеть, я просто должен был понять, почему такой гений как Вы, - чей талант чуть ли не превосходит мой,

БАХ (протестующе). Я Вас прошу...

ГЕНДЕЛЬПочему такой гений, как Вы, не пользуется никаким успехом.

БАХ (с досадой). Я только что получил заказ от прусского короля.

ГЕНДЕЛЬ. Будьте с ним осторожны. Он очень неаккуратно платит.

БАХ. Ну, значит, в таком случае, я жертвую на пользу музыки.

ГЕНДЕЛЬ (с коротким смешком). Типично по-баховски (тихо), типично по-баховски.

БАХ (вставая). Может, ещё раз позвонить?

ГЕНДЕЛЬ (тихо). Все эти годы я боялся.

БАХ (поражен). Меня?

ГЕНДЕЛЬ. Вашей фамилии. Фамилии Бах.

БАХ. Разве она такая ужасная?

ГЕНДЕЛЬ. Просто распространенная здесь, на родине. И довольно известная.

БАХ. Семья у нас большая.

ГЕНДЕЛЬ. Огромная.

БАХ. Просто нас все знают.

ГЕНДЕЛЬ. Знают как музыкантов. Ведь каждый Бах – музыкант.

БАХ: Да, мы очень музыкальные люди.

ГЕНДЕЛЬ. Куда ни ткни - Бах, и обязательно – музыкант.

БАХ. Это у нашей семьи в крови.

ГЕНДЕЛЬ. А у моей – нет. Семья Гендель немusикальная семья.

БАХ. Зато Вы - музыкальны.

ГЕНДЕЛЬ. Я первый и последний, единственный. У меня нет детей, нет наследников. Мой отец хотел вышибить из меня музыку при помощи палки. А за каждым органом в этой стране было по Баху. Достаточно было носить такую фамилию, чтобы быть музыкантом. Каждую ночь я молился только об одном: как бы мне стать одним из Бахов.

БАХ (поражён). Вы об этом молились?

ГЕНДЕЛЬ (с растущим волнением). Как им везёт, этим Бахам, - думал я. Ни богатых предков, ни огромного дома, ни отцовского наказа непременно стать юристом.

БАХ. А вот я бы охотно стал юристом.

ГЕНДЕЛЬ. Только музыка. Их жизнь – сплошная музыка. Одна только музыка.

БАХ. И бедность.

ГЕНДЕЛЬ. Как Вы сказали?

БАХ. Мы были бедными, господин Гендель. Я и сейчас беден.

ГЕНДЕЛЬ. Беден снаружи, но как богат внутри.

БАХ. Так говорят все богатые люди.

ГЕНДЕЛЬ. Я, вот, не был бедным. И я не был Бахом, но хотел стать музыкантом. Но меня звали Георг Фридрих Гендель, а вокруг были сплошь Бахи. Вот, я и убежал в чужие края, где никто из музыкантов не носил имя Бах. Я бежал на север, туда, где их не было. И где моя музыка могла звучать всё громче и громче, чтобы заглушить эту фамилию, чтобы ничего больше не напоминало мне о ней. Бывало, возвращаясь на родину, я посылал вперед кого-нибудь, заранее узнать, где Вы – с тем, чтобы избежать возможной встречи. Я принимал всех, всех - кроме человека по фамилии Бах. Я приказал вычеркнуть эту фамилию из всех списков посетителей. Вычеркнуть жирными черными чернилами. И только ночью, в одиночестве и тайком я читал Ваши ноты. Ваши гениальные произведения. И я всё ещё молюсь по-прежнему: только бы мне стать Бахом (упирается кулаком себе в лоб). Эту фамилию не изгнать отсюда – она у меня, там, внутри. Как кошмарный призрак, который преследует меня в темноте. Я был уверен, что так и будет всю жизнь (опускает руки). Но, вот, вдруг, это приведение исчезло (переводит взгляд на Баха). Его место занял человек. И этот человек - Вы, господин Бах. У него плохие манеры, он не пользуется успехом, самый лучший сюртук его уже два раза перелицован: вот кто будет теперь являться мне по ночам. И если я так и не смогу избавиться от фамилии Бах, то теперь я всегда буду видеть перед собой Вас - беднягу, который в первый и последний раз в своей жизни ел рыбу у меня за столом. Буду видеть маленького кантора из церкви святого Фомы.

БАХ (после паузы). За этим Вы и приехали в Лейпциг.

ГЕНДЕЛЬ. Теперь моя молитва будет звучать так: благодарю тебя, Господи, за то, что я Гендель, всего лишь Георг Фридрих Гендель. Зато - мировая знаменитость.

БАХ (медленно). Именно об этом я частенько прошу в своих молитвах.

ГЕНДЕЛЬ. О чём?

БАХ. Чтобы оказаться на месте всем известного Генделя.

ГЕНДЕЛЬ. Вы молитесь ему?

БАХ. Королю музыки.

ГЕНДЕЛЬ (с поклоном). Который, в свою очередь, склоняется перед королём.

БАХ (смотря на него очень холодно). Ещё ниже, господин Гендель.

ГЕНДЕЛЬ (выпрямляясь). Господин Бах, ...

БАХ (презрительно). Я знаю Вашу музыку. Вплоть до мелочей. От её грохота гудит в ушах.

ГЕНДЕЛЬ. Вы, кажется, невысоко цените её?

БАХ. Разве что «Альмира», ещё куда ни шло.

ГЕНДЕЛЬ (запинаясь). Куда..ни шло...

БАХ. Под стать моим «Страстям по Матфею».

ГЕНДЕЛЬ (потрясён). Вы говорили, что восхищаетесь моей музыкой.

БАХ. Восхищаюсь Вашим успехом.

ГЕНДЕЛЬ. Но Вы искали встречи со мной, хотели говорить.

БАХ. Мне было любопытно. Я хотел видеть, я должен был увидиться с Вами, чтобы просто понять: почему такая посредственность, как Вы, пользуется таким огромным успехом.

ГЕНДЕЛЬ (обиженно). Господин Бах, ...

БАХ (с тоской). Хотя бы раз - такой успех, как у Вас. И чтобы называли королём музыки. И чтобы хоть раз обняться с властью и дать ей обнять себя, поваляться с ней на грешной кровати, которая именуется успехом...

ГЕНДЕЛЬ (громче). Господин Бах!

БАХ Только разочек послужить приманкой для публики и услышать ликующее: «Да здравствует милый саксонец Бах!».

ГЕНДЕЛЬ (переходит на ор). Господин Бах!!!

БАХ. От этого зверя, от этой своры...

ГЕНДЕЛЬ (глухо). Господин Бах, ...

БАХ (кричит). Хотя бы раз!! Такой успех и такая ничтожная музыка!

ГЕНДЕЛЬ (подходит к столу с напитками). Выпью водки.

БАХ. Сидишь в так называемом кабинете, шум по всему дому, дети орут, жена весь день напевает одну и ту же песню. Я затыкаю уши и убегаю в свои смехотворные занятия...

ГЕНДЕЛЬ (поднимая стакан с водкой). За Ваш гений! (выпивает стакан до дна).

БАХ (тыкая себя пальцем в грудь). «Страсти по Матфею» исполняются только здесь. Всё время только здесь, а Ваша музыка.. - её играют во всём мире.

ГЕНДЕЛЬ (осушает ещё один стакан). За мою музыку! (наливает снова).

БАХ. Вот у него успех, у этого Генделя. Об этом я всегда думал. И том, как ему хорошо живется. В тишине и покое. Без жены и детей. А если он ослепнет в один прекрасный день, как и я, ...если он, действительно, ослепнет, тогда

утешением ему будет то, что он повидал весь мир, а я-то вообще нигде не был. Маленький кантор у Фомы... Хотя я гораздо гениальнее его.

ГЕНДЕЛЬ (возвращается к столу со стаканом водки). Хотите выпить?

БАХ (жадно хватая стакан и выпивает до дна. Поперхнулся и сильно закашлялся).

ГЕНДЕЛЬ. Выходит, Вы мне завидуете?

БАХ (кряхтит). Я..я...я.....

ГЕНДЕЛЬ (хлопая его по спине). Ну же, ...ну...

БАХ (кряхтит). Я.....я.....я.....

ГЕНДЕЛЬ. Глубоко вздохните и поднимите руки.

БАХ (поднимает руки, глубоко вздохнув). Я сгораю от зависти.

ГЕНДЕЛЬ (сияет). Лучший комплимент за всю мою жизнь.

БАХ (как бы выходя из транса. Опускает руки). Извините, я потерял самообладание. Простите. Мне лучше уйти.

ГЕНДЕЛЬ (удивлён). С какой стати?

БАХ (запинаясь). Так будет лучше. Ну, я пошёл.

ГЕНДЕЛЬ. Вы же хотели поесть.

БАХ. Я всегда хочу есть.

ГЕНДЕЛЬ (доброжелательно, но твёрдо). Значит, будем есть.

БАХ. Вы не обижаетесь на меня?

ГЕНДЕЛЬ (идет вглубь сцены). Мы квиты, господин Бах (дергает за шнурок). Я восхищаюсь Вами, а Вы мной нет (ещё раз дергает за шнурок) Вы - маленький кантор у Фомы. Я - великий Гендель. И точка (ещё раз звонит). Ясно как день. Всё очень просто. Тут могут быть любые вариации (выходит вперёд, подходит к клавесину). Я больше не стану бояться Баха, который так сгорает от зависти ко мне. Я не боюсь его фамилии (импровизирует мотив «Аллилуйя». Со смехом). Ещё вчера у меня из-за него был припадок ярости (играет всё более энергично). Вот, приезжаю я на родину в последний раз, проезжаю через Галле, могу ещё раз осмотреть город, останавливаюсь у собора, поднимаюсь к органу, хочу немножко поиграть, взять несколько тактов из своего «Мессии», а вижу перед собой Лондон: как там люди встают, приветствуя меня, и король в первую очередь. И вот, я играю, играю, а сзади подкрадывается служка и стоит сзади, а я продолжаю играть...

БАХ. Вероятно, слишком громко.

ГЕНДЕЛЬ (играет ещё громче). И вот он говорит, этот служка - в моём родном городе он смеет открывать рот в моём присутствии. Он говорит (дверь открывается, входит Шмит с паштетом, смотрит в сторону клавесина).

ШМИТ (радостно). Как прекрасно Вы играете, господин Бах.

ГЕНДЕЛЬ (вскакивает, кричит). Подонок!

ШМИТ (от испуга роняет тарелку). Господин Гендель...?

Гендель бросается на него, хватая его за горло и старается вытолкнуть за дверь. Бах бросается к ним, разнимает. Возвращается с Генделем).

ГЕНДЕЛЬ (задыхаясь). Эта фамилия все-таки, по-прежнему, не даёт мне покоя.

БАХ (с упрёком). Вы хотели задушить Шмита.

ГЕНДЕЛЬ. Только спустить с лестницы, как того служку.

ШМИТ (выходит вперёд, тяжело дыша, но стараясь сохранить достоинство). В последний раз, господин Гендель.

БАХ (желая их помирить). Он не нарочно.

ШМИТ. Очень даже нарочно.

БАХ. Всего лишь недоразумение.

ШМИТ. Я очень хорошо понимаю господина Генделя.

БАХ. Внезапный приступ.

ШМИТ. И так все тридцать лет.

БАХ. Господин Гендель сожалеет о случившемся.

ШМИТ. Ни о чем он не сожалеет, этот мистер Хандель. Он всегда был таким, не умел владеть собой. Чудовище. Типично для человека, привыкшего к успеху. Слишком много успеха, слишком много денег и слишком много славы...

БАХ. Успокойтесь.

ШМИТ (кричит). Когда человек получает всё, что ни захочет!

БАХ. Хотите водки?

ШМИТ (тихо). Вы совсем другой, господин Бах - бедный, но порядочный. Это заметно и по вашей игре. Вот это искусство. Оно такое же доброе и порядочное, как Вы сами (бросает ядовитый взгляд на Генделя). Впрочем, мне стоит серьёзно подумать о том, чтобы бросить эту работу.

ГЕНДЕЛЬ (вздрагивает, боязливо). Шмит,

ШМИТ. Желаю приятного аппетита, господа (с королевским достоинством направляется к двери и подчеркнуто медленно и тихо закрывает её за собой. Бах и Гендель, не отрываясь, смотрят ему вслед. Хлопка двери не последовало).

ГЕНДЕЛЬ (тихо) Даже дверью не хлопнул (падает в кресло). Если вдруг он уйдёт навсегда,Он единственный, кто у меня есть. Когда буду старым, беспомощным, слепым,

БАХ (утешая его). Он останется.

ГЕНДЕЛЬ (кивает). Наверное, скорее всего. По крайней мере, до сих пор он каждый раз оставался: после каждого объявления об уходе.

БАХ (направляется в глубину сцены). Паштета жалко.

ГЕНДЕЛЬ (пытается встать). Надо бы убрать...

БАХ. Ничего, я сам.

ГЕНДЕЛЬ. Я вызову Шмита.

БАХ. Он как раз пишет заявление.

ГЕНДЕЛЬ. Не трудитесь.

БАХ. Я привык к работе (собирает остатки паштета).

ГЕНДЕЛЬ (снова садится в кресло.Тихо). Слишком много успеха, слишком много денег, слишком много славы. Шмит прав: я чудовище. Это заметно и по моей музыке.

БАХ. Она пользуется успехом.

ГЕНДЕЛЬ (боязливо). Но сама по себе не так уж и плоха, Вы не находите?

БАХ. Гомковата слегка.

ГЕНДЕЛЬ (упрямо). Но только не в «Мессии».

БАХ. Как раз-таки в нём – взять хотя бы «Аллилуйя».

ГЕНДЕЛЬ. В вашей музыке мне тоже не всё нравится.

БАХ. Она не бывает слишком громкой.

ГЕНДЕЛЬ. И моя не бывает.

БАХ. Ваша – всегда.

ГЕНДЕЛЬ (переходя на ор). Так говорят только мои враги !! (вздрагивает).

БАХ. Вот, Вы и опять разволновались (кладет остатки паштета на тарелку, пробует). С миндалём. Право, жаль.

ГЕНДЕЛЬ (с трудом поднимаясь с кресла). Шампанского хочется.

БАХ (с жаром). Настоящее шампанское?

ГЕНДЕЛЬ (направляясь к столу с напитками). Мой любимый напиток.

БАХ. И мой.

ГЕНДЕЛЬ. Я позволяю его себе каждый день.

БАХ (со вздохом). А я себе - никогда.

ГЕНДЕЛЬ (берёт бутылку, со смехом). Бедный, но порядочный.

БАХ (мрачно). Так будут говорить всегда, во все времена: бедный и порядочный господин Бах. Что заметно и по его музыке.

ГЕНДЕЛЬ. А о том, сколько я выпил шампанского, будут рассказывать даже тогда, когда навсегда забудут мои оперы..

БАХ (с досадой). А у меня ведь тоже есть танцевальная музыка.

ГЕНДЕЛЬ (с досадой). А у меня - «Мессия».

БАХ (подходит к клавесину). Поклонников это не заинтересует.

ГЕНДЕЛЬ (с жаром). Защити нас, Господи, от поклонников.

БАХ (садится за клавесин). Разумная просьба.

ГЕНДЕЛЬ (со вздохом). Увы, лишь просьба.

(Бах негромко импровизирует на мотив «Аллилуйя»).

ГЕНДЕЛЬ (вслушиваясь). Из моего « Мессии».

БАХ. Совсем неплохо.

ГЕНДЕЛЬ. Погромче, пожалуйста.

БАХ. И так достаточно громко.

ГЕНДЕЛЬ. Разве так можно хоть что-то услышать? Давайте—ка я сыграю (ставит бутылку из под шампанского на клавесин, садится за инструмент и начинает очень громко играть один из Канонов Баха). Вот так это должно звучать. И только так.

БАХ (вслушиваясь). Мой Канон.

ГЕНДЕЛЬ. Замечательно.

БАХ. Потихе, пожалуйста.

ГЕНДЕЛЬ. Он должен быть слышен.

БАХ. Он и так слышен - тому, кто хочет слышать.

ГЕНДЕЛЬ. Мы всегда слышим лишь то, что хотим услышать: только Бах либо только Гендель. Либо Гендель, либо...(останавливается). Вот, если бы музыка каждого из нас пользовалась успехом у всех... тогда бы в мире звучала самая прекрасная музыка (встаёт, берёт бутылку шампанского и подходит к креслу). Но, увы: тот, кто любит кантора у святого Фомы, тот ненавидит чудовище, а кто восхищается чудовищем, не разбирается в музыке кантора у Фомы. И так будет всегда: для кого-то один из нас будет истинным гением, а для кого-то – другой.

БАХ. Всегда: либо один, либо – другой.

ГЕНДЕЛЬ. Вечно – одно и то же.

БАХ. Вечность...

ГЕНДЕЛЬ. Она превратит нас в непримиримых врагов (открывает бутылку). За нашу вечную вражду, господин Бах.

БАХ. Прошу Вас, господин Гендель.

ГЕНДЕЛЬ. Георг Фридрих.

БАХ. Простите?

ГЕНДЕЛЬ. Меня зовут Георг Фридрих.

БАХ (запинаясь). А меня –Иоганн Себастьян.

ГЕНДЕЛЬ (вставая). Кого вечность осудила к вражде, тот хотя бы в этом мире должен дружить. Ваше здоровье, Иоганн Себастьян.

БАХ (стесняясь). Ваше, господин Гендель.

ГЕНДЕЛЬ. Георг Фридрих.

БАХ. Мне бы тоже глоток (останавливается, потом продолжает решительно), Георг Фридрих.

ГЕНДЕЛЬ (на мгновение запинается, потом торопливо). Конечно, разумеется, сейчас, господин Бах.

БАХ (с достоинством). Иоганн Себастьян.

ГЕНДЕЛЬ. Именно это я и хотел сказать (подходит к столу с напитками).

БАХ (облизывая губы). Настоящее шампанское.

ГЕНДЕЛЬ (наливая два стакана). Это замечание про самую лучшую музыку я уже слышал. Только давно: так говорили про меня и Бонoncini.

БАХ. Великий композитор.

ГЕНДЕЛЬ. Средний. Но наша дуэль, и правда, была великолепна.

БАХ. Вы....

ГЕНДЕЛЬ (напоминая). Иоганн Себастьян.

БАХ. Ты снова дрался на дуэли?

ГЕНДЕЛЬ. С Бонончини? Да, но оружием были наши оперы. Он писал одну, и я одну, потом опять он, потом опять я, и так это продолжалось сезон за сезоном. На моих операх присутствовали его друзья, чтобы освистывать их, а на его приходили мои враги, чтобы выражать ему своё восхищение. Но всё было очень весело. Театр всегда переполнен. И полный сбор. Им восхищались, мной восхищались (резко обрывает речь).

БАХ (испуганно). Что с тобой?

ГЕНДЕЛЬ (медленно). Мной восхищаются. Тобой восхищаются.

БАХ (печально). Мной - нет.

ГЕНДЕЛЬ. А мной - всё реже. Но если бы мы с тобой решились на дуэль, ...

БАХ. Георг Фридрих,

ГЕНДЕЛЬ. ...как тогда я и Матиссон. Представляешь, тогда весь город собрался на его занудную «Клеопатру».

БАХ (с опаской). Я не хочу никакой дуэли.

ГЕНДЕЛЬ. С нашими операми в качестве оружия.

БАХ. Я не пишу опер.

ГЕНДЕЛЬ. Этому можно научиться. Очень даже просто. Любовь – в мажоре, смерть – в миноре. А в финале обязательно хор.

БАХ. В Лейпциге нет оперного театра.

ГЕНДЕЛЬ. В Лейпциге? Твои оперы будут ставить в Лондоне, в Париже, в Венеции. И каждый раз – сразу после моей оперы. А между ними оратория, это успокаивает.

БАХ (посмеиваясь). Право, не знаю.

ГЕНДЕЛЬ. Давай, сразимся на дуэли. Пока ещё это нам выгодно. И вечность тут не при чём.

БАХ. Ну, если ты так считаешь....

ГЕНДЕЛЬ. Искусство - борьба. Жизнь - дуэль. Давай, поборемся. Нашим общим оружием. Для начала исполним «Страсти по Матфею»...

БАХ (с восхищением). В Лондоне.

ГЕНДЕЛЬ (в раздумье). В сюжете, правда, много христианских мотивов. Так что евреи, пожалуй, не придут. А нравоучения не понравятся дамам (пожимает плечами). Ну, да ладно, ничего, справимся и без них. Вставлю туда «Гимн королю».

БАХ. А я здесь исполню «Мессию».

ГЕНДЕЛЬ. В церкви Святого Фомы?

БАХ. Или в Галле.

ГЕНДЕЛЬ (тихо, с тоской). У меня на родине.

БАХ (в раздумье). Конечно, музыка скорее светского характера, к тому же напоминает оперу.

ГЕНДЕЛЬ (протягивая ему стакан). Твой стакан, Иоганн Себастьян.

БАХ (принимая стакан, с уверенностью). Спасибо, Георг Фридрих.

(Пьют на брудершафт, потом торжественно приветствуют друг друга со стаканами в руках. Выходят на авансцену: один - в левый угол, другой - в правый. Затемнение. Лучи прожектора направлены на каждого из них. Говорят, обращаясь в зал).

ГЕНДЕЛЬ. Как жаль, что наша встреча так и не состоялась, Иоганн Себастьян.

БАХ. Она была невозможна, Георг Фридрих.

ГЕНДЕЛЬ. Наш звездный час...

БАХ. Он не состоялся.

ГЕНДЕЛЬ (со вздохом). Жаль все-таки.

БАХ. Такая досада...

ГЕНДЕЛЬ. Что здесь не играют «Мессию».

БАХ. А в Лондоне - «Страсти по Матфею».

ГЕНДЕЛЬ (тоном, в котором звучат нотки сладострастия). Самое похотливое театральное представление, какое я знаю.

БАХ. После первого же «Аллилуйя» ты был бы объявлен святым.

ГЕНДЕЛЬ. Евангелистом.

БАХ. Шестым.

ГЕНДЕЛЬ (громко запевая). «Аллилуйя! (окрыленный, уходит в темноту. Вступает хор «Аллилуйя» из «Мессии»).

БАХ (поднимая руки, со вздохом). Опять слишком громко (хор набирает силу).

ЗАНАВЕС ОПУСКАЕТСЯ.